

ANDREJ BELYJ AT HOME AND ABROAD (1917-1923)
MATERIALS FOR A BIOGRAPHY

JOHN E. MALMSTAD

Belyj's sojourn of almost two years in Western Europe, mostly in Berlin and its immediate environs, has recently begun to attract the attention of scholars. As I wrote in the Fourth issue of *The Andrej Belyj Society Newsletter* (1985), these years must be "accounted among the most turbulent in his personal life, yet... among the most productive in his literary career" (p. 20). The documents published here for the first time reflect both the turbulence — the agonizing breakup of his relationship with Asja Turgeneva, his near rupture with Rudolf Steiner and Anthroposophy, the difficult decision to return to Russia — and the productivity: his many publications and his active role in émigré cultural life. (I should note at the outset that in all the documents by Belyj that follow, square brackets indicate his crossing out, triangular my emendations or comments).

The following excerpts from "Хронологическая канва передвижений за границей и в России с 1921 по 1933" (ГБЛ, ф. 25 <А. Белый>, из к. X, N. поступления 95 — 1969) provide a short-hand account of Belyj's peregrinations during his time abroad:

1921 год. *Сентябрь*. 1-6 — Петербург. 6-около 24 — Москва. 25-31 — Петербург. *Октябрь*. Начало — Петербург. Около 10го — Москва. 22го — Рига. 23-31 — Ковно. *Ноябрь*. 1-15 — Ковно. 16 — Кенигсберг. 18-30 — Берлин. *Декабрь* — Берлин.

1922 год. *Январь-Апрель* — Берлин. *Май* — Берлин. Около 5го — Цоссен. *Июнь* — Цоссен. *Июль* — начало — Цоссен. 6-31 — Свинемюнде. *Август* — Свинемюнде. Начало месяца — Миздрой, Свинемюнде, Герингсдорф, Свинемюнде, Берлин, Свинемюнде. *Сентябрь* — Свинемюнде. 6 сент. — Берлин. *Октябрь* — Берлин. *Ноябрь* — Берлин, Сааров, Берлин. *Декабрь* — Берлин, Сааров, Берлин, Сааров.

1923 год. *Январь* — Сааров, Берлин. *Февраль* — Берлин. *Март* — Берлин, Сааров, Берлин. 23-31 — Штуттгарт. *Апрель* — Берлин. *Май* — Берлин, Сааров. Конец месяца — Гарцбург. *Июнь* — Гарцбург. 26го < описка — следует быть 29го > — Берлин. *Июль* — Берлин. 14-17го — Альбек. 17-21 — Берлин. 22го — Штеттин. 23-31 — Альбек. *Август* — Альбек, Свинемюнде, Альбек, Берлин, Альбек, Свинемюнде, Альбек. 27го — Берлин. *Сентябрь* — Берлин. *Октябрь* — 1-23 — Берлин. 24 — Ковно. 25 — Рига. 26 — Москва.

Such a list can only, of course, indicate where Belyj was at any given moment, but the many changes of place in 1923 clearly reflect his edgy restlessness and the growing dissatisfaction with life abroad that finally led him to return to Moscow.

More revealing of the extraordinary variety of his creative and cultural endeavors in the period is the following excerpt from “Материалы к биографии: отрывки кратких записей и отрывок из дневника” (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98):

В октябре уезжаю за границу.

В Ковно читаю 3 лекции: 2 — о слове в открытом засед<ании> О-ва Литовских Художников; и одну — в ковенском театре “О Льве Толстом”.

С конца ноября до конца октября 23 года — в Берлине.

В конце года организую берлинский отдел Вольт<ер>-Фил<ософской>-Ассоц<иации> (председатель).

Принимаю уч<астие> в организации берлинского “Дома Искусств” (член совета).

1922 год

Весь год пишу “Воспоминания о Блоке” (“Эпопея” NN 1-4ый).

Пишу книгу стихов “После разлуки”.

Перерабатываю к новому изд<анию> роман “Петербург”; издаю ряд книг. Сотрудничаю в журнале “Совр<еменные> Записки”, в газете “Голос России” и в журнале проф. Ященко <Новая Русская> “Книга”.

Редактирую литер<атурно>-худ<ожественный> журнал “Эпопея”. Принимаю деят<ельное> участие в вечерах и беседах,

устраиваемых “Берлинским Домом Искусств”. Читаю в нем публичную лекцию на тему — кажется: “О духе жизни в России”.

Пишу статью для журнала “Der Kommende Tag” “Anthroposophie und Russland”.

Пишу брошюру для “Эпохи”: “Мое мирозерцание” (осталась ненапечатанной); подготовлю к изданию собрание “Избранных стихотворений”.

Пишу текст воззвания группы русско-немецких художников о помощи голодающим в России, а также текст адреса Гергардту Гауптману от русских писателей (по поводу юбилея). Читаю лекцию в В. Ф. А. на тему: “Ритм культур”. С осени 1922 года участвую в “Клубе писателей”.

1923 год

С января до июля старательнейше перерабатываю материал “Воспоминания о Блоке” в 3 тома “Начала Века” (ненапечатаны: 75 печ. листов). [Пишу в газете “Дни”] <густо зачеркнуто> Принимаю участие в организации журнала “Беседа” (с М. Горьким); сотрудничаю в “Беседе”.

В конце октября возвращаюсь в Москву.

Belyj’s mention of his “dejj’noe učastie” in the affairs of the Berlin Dom Iskusstv hardly does justice to the extent and nature of his activities there and elsewhere in Berlin during this time. A document entitled “Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участия (активных) в заседаниях и т. д. с 1899 до 1932 года” (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96) fills in the picture with greater detail. Here are excerpts covering these years abroad. (I give the material as it appears in Belyj’s original, with the sometime inaccurate numeration left as it is; unless otherwise indicated, all the events took place in Berlin).

1921 год

712) Ноябрь. Публичная лекция от “Союза Литовских Художников”: “Стиховедение”. Ковно.

713) Ноябрь. Публичная, 2ая лекция: “Стиховедение” (от Союза Лит. Худ.). Ковно.

714) Ноябрь. “Лев Толстой”. Публичное выступление в Ковенском Театре. Ковно.

Работа в берлинском “Доме Искусств”

715-717) Ноябрь-Декабрь. Организационные заседания.

1922 год

Работа в берлинском "Доме Искусств"

- 718-719) Январь. Участие в беседе.
 720) Январь. "Культура России". Моя публичная лекция.
 721) Февраль. Чтение стихов.
 722) Февраль. Участие в беседе.
 723) Февраль. Чтение "Крещеного китайца".
 724) Март. Участие в беседе.
 725) Март. Прения на публ. лекции Минского.
 726) Март. Выступление с речью Томасу Манну.
 727) Апрель. "Об антропософии".
 728) Апрель. Выступление на тему "Эвритмия".
 729) Май. Участвую в диспуте "О конструкционизме".
 730) Май. Беседа "О смене Вех".
 731) Октябрь. Прения.
 732) Октябрь. Чтение стихов из "После разлуки".
 733) Октябрь. Заседание посвященное смене президиума.
 734) Ноябрь. Заседание организационное.
 735) Ноябрь. Председательствую и принимаю участие <в> прениях после реферата Пуни.

Работа в берлинской В. Ф. А.

(до N. 747)

- 736) Январь. Заседание Совета (организац.)
 736) Январь. Заседание организ.
 737) Январь. Открытие В. Ф. А. Моя публичная лекция "Культура духа".
 738) Февраль. Председательствую на публ. докладе Минского о Блоке. Участвую в прениях.
 739) Февраль. Продолжение прений к докладу Минского. Публ. Зас. Председательствую.
 740) Февраль. Председательствую и открываю собрание речью о Блоке. Публичное заседание.
 741) Февраль. Организ. собрание.
 742) Март. Доклад <Е. Г.> Лундберга. Прения.
 742) Март. Председ. и оппонирую на докладе <В. Б.> Станкевича.
 743) Март. Философская беседа. Председательствую. Участие в прениях с <В. М.> Черновым.
 744) Апрель. "Философия свободы". Доклад Н. Н. Белоцветова. Прения. Председательствую.
 745) Апрель. Доклад <С. Г.> Каплуна "Философия социализма". Оппонирую. Председательствую.
 746) Май. Мой доклад "Антропософия в проблеме культуры".
 747) Октябрь. Заседание Совета В. Ф. А. (о том, что она в Берлине никуда не годится).

- 748) Январь. Организац. собрание и беседа у “Скифов”.
- 749) Февраль. Беседа у “Скифов” (о приглашении Штейнера).
- 750) Февраль. Беседа группы лево настроенных писателей. Прения (инцидент с Лундбергом и “Рулью”).
- 751) Февраль. Участие на вечере в пользу голодающих в России.
- 752) Март. Участие на публичном митинге (не политич.) в берлинской Филармонии. Выступление с речью.
- 752) Март. Беседа группы русско-берлинских писателей.
- 753) Апрель. Литер. вечер в частном доме. Читают: Ремизов, Пильняк. Я говорю вводительную речь.
- 754) Ноябрь. Выступление на диспуте о революции в берлинской “Академии духовной культуры”.
- 755) Март. Беседа с христианской молодежью (Клуб Хр. Молодежи).
- 756) Декабрь. Читаю у Горького “Россия в России и Россия в Берлине”. Сааров.
- 757) Декабрь. Организационная беседа о журнале “Беседа” у Горького. Сааров.

Работа в берлинском “Клубе Писателей”

- 758) Октябрь. Беседа.
- 759) Октябрь. Заседание комитета, чествующего Гауптмана. Читаю текст речи своей.
- 760) Октябрь. Чтение мое.
- 761) Ноябрь. Беседа.
- 762) Ноябрь. Реферат Юшкевича. Прения.
- 763) Ноябрь. Мое заявление об инциденте с Юшкевичем. Беседа. Прения.
- 764) Декабрь. Читаю “Крещеный китаец”.
- 765) Декабрь. Прения о философском докладе (кажется, Франк).

1923 год

Работа в берлинском “Клубе Писателей”

- 766) Январь. Участие в литер. вечере.
- 767) Февраль. Прения после чтения Эренбурга.
- 768) Март. Мой доклад. Прения (со Степуном).
- 769) Март. Прения на реферате Таирова.
- 770) Сентябрь. Чтение “Арбат”.
- 771) Сентябрь. Прения (после выступления Ходасевича).
- Кроме того:*
- 772) Февраль. Лекция моя “Революция духа”. Для берлинских студентов. Прения.
- 773) Март. Чтение моего ответа Лейзегангу и беседа по этому поводу (у Горького). Сааров.
- 774) Май. Чтение из “Начала Века” и беседа о Символизме у

Горького (я, Ходасевич, Шкловский, Горький). Сааров.
 775) Сентябрь. Беседа писателей в ресторане на "Gentinerstrasse".
 776) Октябрь. <следует быть Сентябрь> Прощание писателей и
 беседа на "Gentinerstrasse" (мой разрыв с Ходасевичем).
Отъезд в Россию.

Small wonder, reading over the list, that Belyj often complained to friends of "overwork" (*pereutomlenie*) in his Berlin period.

Many factors had impelled Belyj to go abroad in October 1921 – a long bout with illness exacerbated by poor living conditions, nervous and physical exhaustion, the belief that there, away from constant demands on his time and energies, he might at last be given the "pravo pisat'". As he wrote to Asja Turgeneva on 11 November 1921 from Kovno:

"<...> Россия меня измучила. Стало быть: я стараюсь, пока что рассматривать Ausland, как санаторий, в котором мне надо укрепить нервами, написать начатые книги, издать" (*Воздушные пути*, V, 1967, с. 307).

The main reason, however, was Asja Turgeneva herself, as he later admitted to Ivanov-Razumnik in a letter of 18 November 1923: "я ехал главным образом для того, чтобы встретиться с Асей".

Given the crucial importance that Turgeneva played in Belyj's decision to leave Russia, I have decided to preface the documents relating to his Berlin period with excerpts from their correspondence of 1917-1919.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО И А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

Belyj's relationship with Anna Alekseevna Turgeneva (1890-1966), an artist and distant relative of the nineteenth-century novelist, had been unusual, to say the least, from the very beginning, i. e., August 1910, when they decided to "join their fates". Many years later Belyj recalled the first period of their life together in his memoirs ("Vospominaniia, tom III, čast' II, 1910-1912"):

мы встретились в годы, когда моя жизнь мне казалась разбитой; я думал о смерти; и вот глядя на Асю — подумалось: лучшее, что могу, это — блюсти ее жизнь, служить ей поддержкой; и дружба росла оттого, что Ася могла на меня опираться... (*Литературное наследство*, 27-28, 1937, с. 448).

He, of course, provided her sole source of financial support, but in every other way it was he who relied on her. Belyj's almost childish dependence is well shown in the following letter of May 1911, sent from Moscow. He had had to leave her for two weeks with her family at Bogoljubu (near Luck in Volynia) to travel to Moscow, where he hoped to settle his complicated affairs with the "Musaget" publishing house (see "Vospominanija o A. A. Bloke", *Ėpopeja*, N. 4, pp. 204-206, and *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, 1937, pp. 442-446). During his brief absence he wrote her five times (Georges Nivat published the four other letters from the same time, i. e., 7, 8, 9, 17 May 1911, in "Lettres d'Andrej Belyj à la famille d'Asja" (*Cahiers du monde russe et soviétique*, XVIII, 1-2, 1977).

<14 мая 1911 >

Асик, родной мой, что же Ты мне вот уже третий день ни слова. Я вчера опять не мог Тебе написать. Если я остаюсь до среды, то на это есть причина: вот какая; намечается возможность освободиться от Мусагетского долга. Пойми, 3 лишних дня, и, может быть, 3000 денег; тогда я освобождаюсь от некоторого бремени.

.....

Асик, Асик — или Ты больна... Отчего не пишешь?

Целую, люблю мою деточку: Боже мой, до чего я устал; приходится свертываться и мать у знакомых (среди дня) — до того велико физическое утомление; но нравственно чувствую себя стойко; вот только боюсь, беспокоюсь: Ты не пишешь.

Детка, детка — моя, моя, родная, любимая, радостная, светлая, детка!

.....

Как хочу Тебя: Тебя, Тебя: скорей, скорей — к Тебе, к Тебе. Вот план дней.

Сию минуту еду в деревню к <Э. К.> Метнеру до завтрашнего утра. Завтра в 1 час в Москве деловое свидание; днем — свидание с Маргаритой Кирилловной <Морозовой>, в 6 часов деловое свидание с Брюсовым. В понедельник — получка денег, может быть нотариус, разговор с <С. Н.> Булгаковым, Мусaget. Вторник — магазины; среда, может быть, банк, а вечером с Наташей <Асиной сестрой> едем (по Брестской ж<елезной> д<ороге>).

.....

Видишь: все расписано.

.....

Милая, милая — не мучь: скорей пиши.
 Скоро увидимся: до пятницы.
 Целую детку, единственного моего Асика. Христос с Тобой.
 Борик (ГБЛ, ф. 25, карт. 30, ед. хр. 19)

As Belyj more and more grew to rely on her, she began to distance herself from him, both emotionally and spiritually, markedly so after their joint commitment to Anthroposophy and during their life abroad with the Steiner entourage in 1912-1916. They were legally married in Bern, Switzerland, on 23 March 1914, but by then Asja had insisted on putting even greater distance between them: she rejected any kind of sexual relationship (see my publication "Andrej Belyj i Antroposofija" in *Minuvšee*, N. 6, 1988, pp. 380-381). This is no way, however, lessened Belyj's *emotional* dependence on her. That only intensified, especially after he left the Anthroposophical colony at Dornach in August 1916 to return to Moscow, where he had been called up for military service. Now Asja (and Steiner's Anthroposophy) assumed the proportions of a myth of fulfillment and salvation. Consider his letter of 4 November 1917 (published below), or this passage from a letter to Ivanov-Razumnik of 26 December 1917:

<...> ощущение полной невозможности больше томиться без Аси; она — больна; у нее нет денег; выслать ей нельзя, проехать нельзя; а вот давно уже во мне крепнет отчаянная решимость: вопреки всем преградам начать проламиваться к ней <...> я уже полтора месяца только и думаю об одном: всех бросить, все бросить и правдой или неправдой, а прорваться к ней; она моя главная душевная и духовная помощь; без нее не могу и работать; да и в жизни разваливаюсь; довольно! Еслибы знал, какие преграды лягут между нами, ни на что не явился бы в Россию: предпочел бы быть дезертером, но остаться рядом с Асей. <...>

<...> *очень, очень* плохо; стал форменным неврастенником, сжимающим зубы от злости, тоски, беспокойства за Асю, беспочвенности; и — едва передвигаю ноги от физической усталости. Чувствую себя ненужным, бездельным ртом в России: в России мне *ничего делать*. Едва переносу свое бытие.

Her requests for financial help, which Belyj desperately tried to supply, often with considerable harm to his own (and his mother's) welfare, only increased his feelings of obligation and his sense of guilt when he could not get money to her. Her letters can hardly have

eased his terrible fear that he was losing her forever. Not until he reached Berlin would he realize what must have been obvious to her and others: the “line” that had begun to separate them since 1914 had become an “abyss” (see *Minuvšee*, N. 6, 1988, p. 360).

In the early 1930s, as he worked to bring to conclusion the final variant of his memoirs, Belyj wrote of her and their relationship with unusual candor (and, perhaps, with exaggeration). So candid, indeed, were his remarks, that most of the following passage (everything following “... и переоценивая”) was censored when the memoir fragment appeared in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28 (p. 448) in 1937; the deleted passages are restored here from the manuscript in GPB, f. 60, N. 15:

<...> я утешался иллюзией: в умении стать ей опорой я обретал смысл всей жизни; он рос до ощущения почти роковой пригвожденности; и приходилось жить чувством рока; других надежд не было; читал ее облик я несколько лет; и различно прочитывал, умалая и — переоценивая.

Ненормальная была ее жизнь; мало что читавшая и даже невежественная в проблемах культуры, далекая от всякой ответственности, она росла в обстановке развала большого имени и впадения в нищету аристократа-помещика А. Н. Тургенева, ее отца, имевшего родственников от камергеров до... бунтарей; соедините традиции декабристов с анархизмом Бакунина (мать Аси — дочь одного из братьев Бакунина), Муравьевых от “левых” до “вешателя”, Чернышевых и прочей когда-то знати, и вы получите дикий хаос воззрений деклассированного дворянства; вот чем надыхалась в деревне она; природная восприимчивость, соединенная с болезненной чуткостью не могла заменить ей сознания и знаний; тяжело пережив разрыв матери и отца, она попадает к д’Альгеймам, отказавшись жить с матерью; отец, соединяясь с другой, жизнь кончает в кругу эс-эров, сближаясь с террористами; и умирает за несколько дней до готовившегося его ареста; Ася же, попавши в дом тетки, певицы Олениной д’Альгейм, всецело поддается влиянию утонченного стилиста, когда-то бывшего в кружке Маллармэ, П. И. д’Альгейма, и механически нашиповывается всевозможной французской утонченностью от символистов до мистиков; она умеет с естественной грацией дымить папироской, очаровательно улыбаясь, и отпускать то мистические, то скептические сентенции с чужого голоса; читатель, скажите, неправда ли: грустное зрелище; и зрелище это представляла собой Ася; в ней чувствовалась неизбывная боль из-под ангелоподобной улыбки (недаром мы когда-то ее и сестру ее прозвали “ангелятами”); но “ангелята” — показ; а под ними —

растерянность, горькие слезы и стон.

Вот с этим-то растерянным, болезненным и теперь меня пугающим существом я связал свою жизнь в эпоху разуверенья в себе! Невеселые перспективы вставали.

Belyj reached those conclusions about their relationship only years after it had come to an end. The letters published below reveal just how "chained" he was to her or, rather, to his "illusion" of her before she shattered it finally in Berlin in 1922. As he wrote in another sentence censored from the same memoir:

Да, невесело нам было вместе; но оба мы побоялись это друг другу сказать; и начиналась фальшь, поздней окончившаяся трагедией.

* * *

Her three letters are undated (and are published in her semi-literate style, quite innocent of punctuation), but they were obviously sent to Belyj in Russia before her letter of December 1918 that he later described as "жестокое рассудительное письмо о том, каким бременем я был для Тебя, и формальное уведомление, что Вандер-Паальс Тебе ближе чем я" (*Воздушные пути*, V, с. 297; she had sent it in December 1918, but Belyj received it on Russian Christmas, i. e., in January 1919). Four letters of Belyj from the same period follow. They include two answers to her December 1918 letter. Because of problems with the international post, the letters seem not to have been sent. Georges Nivat published none of these documents in his "Lettres d'Andrej Belyj à la famille d'Asja"; the letter on pp. 138-141 of that publication, which Nivat, following the archive dating, assigns to 1920, should clearly be dated 21 February 1918 because of Belyj's reference to the lecture "Svet iz grjaduščego" that he read on 3 February 1918 in Moscow.

ПИСЬМА А. А. ТУРГЕНЕВОЙ АНДРЕЮ БЕЛОМУ
(ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, N. 281)

I

Боринька только что получила твое письмо от 22 февраля через год молчанья. Милый что сказать будем жить и смотреть что приносит жизнь Пишу на людях и ждут пока кончу записку

Целую Ася

< Письмо без конверта >

II

Милый Боря хотелось бы подробно знать о твоей и о вашей жизни Ты меня несколько раз упрекал что я не зову тебя. Знай что если ты подлинно из себя решишь приехать я сколько возможно буду помогать тебе в этом. Но ни в коем случае не хочу моими желаньями или не желаньями влиять на твое решение. Как бы сложилась жизнь и наши отношения не знаю — и не предрешаю. Помню трудности какие у тебя были здесь <в Дорнахе> думаю что тебе будет не легче а трудней но знаю в каких условиях ты находишься теперь и потому повторяю что не могу брать на себя ответственность как либо влиять на твои поступки.

Целую Напишу подробней если буду знать что можно через <нрзб> переписывать Ася

< Письмо без конверта; на обороте листа: Б. Н. Бугаеву >

III

Боря милый пишу кратко без надежды что это письмо до тебя дойдет Много горечи в твоих последних письмах От-

части не справедливо Мы использовали все случаи что бы переслать вам книги Д<окто>ра <Штейнера>. И испробовали много путей что бы писать вам Если не доходит вини свобода <так!> нашего времени

Я не хочу что бы мое желание или не желание играло роль в твоём решении ехать сюда или нет. Если ты решишь приехать я сделаю возможное что бы достать тебе разрешение на въезд — что очень трудно — для Поццо¹ Наташа хлопотала 6 месяцев а приехал он из Польши — и заработок. Будущее всегда неожиданно и вперед я не гадаю. Если я не хочу прошлого это не значит что во мне не живо то подлинное что было в нем. Но на эти темы в открытой записке писать не полагается Целую милый и думаю о тебе.

Целую друзей

Ася

<Письмо без конверта; на обороте листа: Б. Н. Бугаеву>

¹ Aleksandr Mixajlovič Pocco (1882-1941) – Anthroposophist, husband of Asja's sister, Natal'ja (1886-1942). She is the "Nataša" referred to in several of Belyj's letters published below.

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО А. А. ТУРГЕНЕВОЙ

I

4го ноября <1917 г.> Москва

N. 89

Милая, милая, милая крошка моя, Асенка, голубушка, между моим последним письмом и теперешним протекла целая вечность. 24го <октября> я вернулся из Петрограда, а 25го начались события нашей жизни, столь потрясавшие нас. В Петрограде я и не замечал надвигавшегося: я работал, как вол, над своей "поэмой о звуке"¹ (попытка соединить лингвистику с эвритмией); работал до 4х часов ночи, занимался стихами; и прочее. В день отъезда (носильщик достал мне билет только на 24ое, хотя я пытался уехать еще 10 октября),

Мережковским по телефону сказали, что начался переворот, и я уехал в Москву, не зная, что происходит. В пятницу 27го октября вечером началась стрельба, а в субботу утром я пошел к Алеше Петровскому:² вдруг на Пречистенке оружейная пальба; я был отрезан от дома 2 часа: говорили, что стреляли большевистские войска по штабу; едва я перебежал Пречистенку и дошел до Никольского переулкa, как всюду затрещала беспорядочная стрельба, неизвестно откуда; и вот: с субботы до пятницы, т. е., целую неделю мы, т. е. наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить. Наш тихий арбатский район оказался неожиданно одним из центров военных действий. Юнкера, ударные войска и белая гвардия расположились по Арбату, Поварской, Пречистенке и по району наших переулков, имея центром Кремль и Думу и Александровское училище, а войска революционного комитета и красная гвардия наступали с Хамовник<ов>, Смоленского рынка и с Пресни (кажется); словом: наш Никольский переулк оказался границей; и даже дома перепутались: с Арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулкa наступали большевики и т. д. Загрохотали пушки, залетали снаряды, стены дрожали от грохота. В понедельник в 9 часов утра я вскочил с дивана (спал я в своем зеленом кабинетике) от оглушительного грохота; и подбежав к окну, увидел столб кирпичной пыли; оказывается: в дом против нас упала шрапнель и разорвалась перед окнами; с понедельника мы перекочевали в кухню и ванну; где только и можно было жить; пули пролетали в окна, разбивали стекла; шрапнель ударилась в балкон нашего дома, когда мы с мамой спасались в нижний этаж; осколок шрапнели, разбив стекла, пролетел на расстоянии не далее дюйма от маминого виска; с мамой сделалась истерика; последние дни мы ютились у Махотиных; было невозможно почти жить; почти нечего было есть; кабинет мой прострелен; стекла разбиты; стоит адский холод; работать нет никакой возможности; почта стала; не знаю, когда смогу послать это письмо; курс, вероятно, еще упал; и уж теперь, дитя родное, просто не знаю смогу ли послать Тебе деньги; у меня давно приготовлены для Тебя 500 рублей, но месяц не мог послать; теперь узнал, что предпринять для посылки (все это было еще до переворота): надо посылать прошение в Кредитную Канцеля<ри>ю (в Петроград) о высылке Тебе денег, ждать разрешения оттуда, затем уже просить Банк и опять

ждать разрешения: в такой волоките прошло 5 недель во время последней посылки; теперь уже, вероятно, еще труднее; дитя мое, видишь, что случилось: не надо было расставаться; не знаю, как Ты, здорова ли, сыта ли, — и решительно ничего не могу предпринять, чтобы во-время Тебя выручать; деньги во-время до сей поры удавалось готовить, но — выслать вот уже 1/2 года — сущая мука, не говоря уже о курсе... Последний раз за 500 рублей дали 470 франков, т.е. менее, чем за 200 рублей (до войны); теперь, вероятно, курс упал. Тоже и с добыванием денег: главный источник моего заработка Петроград, а сношения нормальные с ним почти невозможны; собрание сочинений совсем увязли;³ жизнь такова, что нельзя уже ни передвигаться, ни сноситься с людьми, ни сносно (элементарно) есть; приходится тратить огромные деньги на простые закуски, без которых — голодно; голодаешь, холодаешь, небезопасен, живешь кое-как в обношенном виде (ходишь обтрепанным) и т. д., работаешь, как вол, чувствуешь себя одиноким без Тебя (в вечной тоске), получаешь за работу менее рабочего на фабрике. Кому нужны теперь писатели, философы, поэты: мы — роскошь для России; нас надо ликвидировать: правда, дитя, — просто нет сил существовать!

Господи! Когда же, когда же, когда же кончится эта проклятая война! Мало того, что народы истребляют народы; брат восстал на брата; чувствуешь себя в тисках: передвижений, дороговизны и т. д. Ты, дитя мое, кажется мне почти недосягаемой далекой звездочкой, затерянной в бесконечных далях; и наша тихая, мирная, сельская жизнь — там, в Дорнахе, кажется просто волшебным сном. Милая, за последние месяцы у меня какой-то ужас к политике; и более всего у меня развивается какое-то толстовское мирозерцание; я сознательно ухожу от всех *“праздно болтающих”*, *“ненавидящих”*, *“друг на друга клеветующих”* станом; и все более звучит в моей душе *“Не любите мира сего”*; столько зла, ненависти здесь вокруг, что будь моя воля, я — (если уже суждено мне без Тебя влачить свое существование) — я удалился бы на уединенный остров и молился бы за всех, всех людей, проливающих братскую кровь; но уйти некуда, а вместо уединения — попадаешь между двух враждебных станом и тебя ни за что ни про что обсыпают шрапнелями неделю. Право: если бы я знал, что меня будут зря год таскать на осмотр, чтобы освободить от военной службы по болезни, я бы ни за

что не тащился бы в Россию и требовал бы, чтобы меня осматривали там. Какой я воин? Я войну ненавижу: от нее пошла всякая мерзость; я, действительно, все более и более себя ощущаю толстовцем в вопросе о войне и отношусь с ужасом ко всякой партийной распре; берите у меня все (у меня и нет ничего, кроме литературного таланта и желания посылить работать в моей области) — берите у меня все, но душу мою оставьте свободной и независимой; и это право *по своему глядеть на события* жизни и мира никакая партия (ни монархисты, ни кадеты, ни эс-эры, ни эс-деки) не смеют отнять у меня; есть что-то оскорбительное сейчас для меня в нашей русской жизни; самые противоположные течения тащат тебя насильно к себе, или наклеивают на тебя ярлычки; поэтому я кроме небольшого кружка близких друзей, ни с кем не сближаюсь; поэтому-то и развился у меня сейчас (с горя и одиночества, должно быть) такой интерес к специальным работам; с августа по октябрь занимался лингвистикой, а во время грохота пушек, чтобы не потерять равновесия духа читал статьи по физике “*О принципе относительности времени*” (замечательная теория Эйнштейна). Было странно: читать трактат по физике, закупорившись в ванной от пуль; вдруг: трах! Стекла разбиты: пуля пронизала кабинет... Вот так жизнь!

Господь с Тобой, ласточка моя. Господь с Тобой, деточка.

Целую крепко. Люблю Тебя. Верю в Тебя.

Твой Боря.

P. S. Наташе братский привет. Татьяне Алексеевне привет. Катерине Александровне — тоже.⁴ Передай ей, что Н. А. Маликов — социалист (эс-эр); кажется, он все лето работал в партии.⁵

<ГБЛ, ф. 25, карт. 30, ед. хр. 19>

¹ In Belyj's “*Rakurs dnevnika*” (as cited in “*Letopis' žizni i tvorčestva A. Belogo*”, GPB, f. 60, N. 107) we find: “*Июль <1917 г.>, вторая половина. Поворочка. Подготовительная работа (чтение, выписки) для исследования 'Глоссолалия' (Поэма о звуке), тема которой возникла совсем неожиданно. <...> Август. Собираание лингвистического материала... Именно в этот месяц устанавливается взгляд на 'глоссолалию'; ... восприим-*

чивость... к слову такова, что не слышал абстрактного слова; ... слышал в любом... лишь его пантомимический жест... <...> *Сентябрь*. Весь месяц сижу в Дедове, где зарываюсь в словари... и добираю... глоссолалийный материал. *Октябрь*. Поездка в Петроград и Царское Село по вызову Иванова-Разумника по делам 'Скифов'. Пишу текст 'Глоссолалии'".

² Aleksej Sergeevič Petrovskij (1881-1958) – Anthroposophist, one of Belyj's oldest and closest friends; about him see the memoirs of M. N. Žemčužnikova and my annotation on p. 30 of *Minuvšee*, 1988, N. 6.

³ In the autumn of 1916 Belyj reached an agreement with the Moscow publisher V. V. Pašukanis for a multi-volume edition of his collected works (see general plan for the edition in *Utro Rossii*, 4 February 1917). Only two volumes of prose (IV and VII) appeared before the Bolsheviks arrested Pašukanis and closed his enterprise in 1918. At this time Belyj was receiving most of his income from publications commissioned or arranged by Ivanov-Razumnik, who lived outside Petrograd at Carskoe (Detskoe) Selo.

⁴ Tat'jana Alekseevna (1896-1966) – Asja's sister, the wife of Belyj's friend Sergej Solov'ev (1885-1942); Ekaterina Aleksandrovna Il'ina – Anthroposophist, translator of Steiner into Russian. About her see memoirs of Žemčužnikova and my publication "Andrej Belyj i Antroposofija" in *Minuvšee*, 1988, N. 6.

⁵ Nikolaj Aleksandrovič Malikov – brother of E. A. Il'ina. In a letter to Ivanov-Razumnik, postmarked 17 May 1917, Belyj wrote: "<...> из Лондона вернулся мой хороший знакомый Н. А. Маликов, сын известного толстовца, высланный 'старым режимом' за сочувствие эс-эрам. Он служил в русском промышл. комитете (военном) в Лондоне и приехал нарочно, чтоб служить в армии и быть полезным (он — хороший химик и механик); но высшего образования не успел кончить. Мечтает он поступить в какую-нибудь военно-инженерную или вообще техническую школу <...> Этот юноша очень милый, чистый и дельный". In a follow-up letter of 26 May, Belyj again raised the issue with Ivanov-Razumnik: "мой друг, Николай Александрович Маликов (сын толстовца Маликова и эмигрант) вернулся из Лондона, где он последнее время служил в военном Комитете. Прежде он был 'эс-эр', за что и был выслан русским правительством. Война застала его в Дорнахе, куда он приехал к сестре (*антропософке* и моего друга). Н. А. Маликов прожил в Дорнахе год от весны 1914 до осени 1915 года, когда уехал в Лондон (в колледж); Н. А. Маликов давно стремился в Россию; ему хотелось быть полезным в каком-нибудь военном деле: он — хороший химик и физик (хотя Университета еще не окончил) <...> он находчив, талантлив, как химик и т. д. <...> Н. А. Маликов и до сей поры 'эс-эрских' взглядов. Мы очень близки с ним во взгляде на современное положение <...> Между нами: он — *антропософ*". (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 8). Belyj writes of him in his "Material k biografii" (see index to *Minuvšee*, 1988, N. 6).

II

10 мая н. ст. 18 г.

Милая детка,

Пишу Тебе, и уже не питаю надежды, что это письмо дойдет до Тебя. Господь с Тобою. Пока не было никакой возможности переслать Тебе письмо. Не имея никаких сведений о Тебе с ноября, — живу упованием, что Вы здоровы, потому что иначе разболелся бы. Что будет дальше не знаю; когда увидимся, тоже не знаю; не знаю ничего. Не знаю даже, что писать, ибо за последнее полугодие было столько событий в нашей русской жизни, и эти события переживались так остро, что касаться их в этом письме невозможно.

Я жив и здоров. Последнее полугодие много занимались эвритмией; ставили сцену “Фауста”; кончил курс лекций; живем дружно; Марг<арита> Вас<ильевна> проявляет здесь большую деятельность, ведет кружок, занимается с нами эвритмией.¹ Живу я теперь с Алешей <Петровским> в помещении О<бщест>ва.² “Уплотняю” квартиру (впрочем Тебе не может быть понятным термин “уплотнять”); мне предлагают с июня и до января вести курс лекций в образовывающейся “Академии” (одной из вольных Академий, образовывающейся здесь);³ а другой замысел мой: все таки пытаться вернуться к Тебе; но этот замысел почти не осуществим *никак*; и прежде всего материально, ибо чтобы жить нам вдвоем за границей я должен не более не менее, как зарабатывать 1500 р. в месяц (минимум), а это для меня — невозможно; максимум на что я могу рассчитывать 500 рублей, а этого по нынешнему времени едва-едва хватает на пищу одному человеку. Как выйти из этого заколдованного круга — не знаю; вероятно я буду *на года* прикован к Москве, ибо русским из России жить за границей нельзя будет. И стало быть: вероятнее всего мне придется ждать Тебя в Россию, если у Тебя проявится добрая воля вернуться ко мне: разумеется, я не хочу испытывать никаких давлений на Тебя в этом отношении.

Вообще: я привык уже даже не ждать от Тебя писем... Ко всему привыкает человек... И не жду для себя никаких приятных неожиданностей; наоборот: неприятных — жду.

Если бы Ты задумала приехать в Москву (буде на то возможность)хвати гравюру моего портрета;⁴ одно издательств<о> предполагает издать гравюры русских писателей и обратилось ко мне с просьбою к Тебе прислать гравюру.

Ах Ася, — избыток чувств и количество событий, которые прошли сквозь душу (и внешних и внутренних) обуславливает некоторую затрудненность в выражении. В письме ничего не расскажешь. И остается его заключить лишь верой, что мы не забыли друг друга...

Целую Тебя, детка моя, Господь да охранит Тебя.

Нежно целую

Твой Боря

Мой адрес: Москва. Кудринская Садовая. д. 6 кв. 2. Все здесь живы и здоровы. Поццо — на Кавказе.⁵ О нем давно уже нет никаких известий: Кавказ отрезан от нас. Привет Наташе.

<ГБЛ, ф. 25, карт. 30, ед. хр. 19>

¹ About the activities of the Moscow branch of the Anthroposophical Society see my annotated publication of the memoirs of M. N. Žemčužnikova in *Minuvšee*, 1988, N. 6. The role of Margarita Sabašnikova-Vološina (1882-1973) is described there on pp. 24-26 (on her see my annotation on p. 24), and her “eurythmic” presentation of *Faust* on pp. 29-30. In his letter to Asja of 21 February 1918 Belyj wrote: “в среду и субботу мы делаем Эвритмию под руководством Маргариты Васильевны. <...> знаешь ли, что я очень предался Эвритмии; она помогает мне; и я стараюсь ее не пропускать: наш эвритмич<еский> кружок состоит из 14 человек; и мы делаем ее по 2 часа (от 5 до 7ми) по средам и субботам; я, Маргарита Васильевна, Алеша, Миша <Сизов>, Анисимовы, Тородцова, Машковцева и т. д. Надежда Афанасьевна, даже... Мама, и Мама в восторге, и делает очень не дурно: по-хорошему. Эвритмия нас как-то сближает” (Nivat, с. 138-140).

From December 1917 to February 1918 Belyj conducted a course entitled “Mir duha” (“kurs pročitannyj dlja želajuščix”) at the Anthroposophical Society (items Nos. 276-295 in “Sebe na pamjat”). In his 21 February 1918 letter to Asja Belyj wrote: “Мой курс слушают от 60 до 70 человек, главным образом курсистки; и молодежь; и после каждой лекции приходится слушать со стороны изумление” (Nivat, с. 138-139).

² “Переселяюсь в пустое помещение А. О. (Кудринская Садовая 6, кв. 2), где... живем с А. С. Петровским” (14-15 февраля 1918 г., “Ракурс дневника”).

³ Item N. 309 of "Sebe na pamjat'" notes: "Апрель. Участие в организационном собрании 'Социалистической Академии'". Judging by that document, Belyj never gave the projected course.

⁴ Asja's fine portrait of Belyj has been reproduced in several publications; see, for example, her *Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am Ersten Goetheanum* (Stuttgart, 1972, between pages 32-33). The portrait was never published in Russia either before or after the Revolution.

⁵ In his 21 February 1918 letter to Asja Belyj wrote: "От Поццо с декабря нет вестей: он на Кавказе" (Nivat, с. 141).

III

25 декабря старого стиля <918 г.> <7 января 1919 г.>

Милая Ася,

Недавно получил Твое письмо, — то, в котором Ты вводишь меня в круг своей душевной жизни, и в котором вспоминаешь "ужасы" нашей прежней жизни с Тобой;¹ признаться сказать мне письмо Твое было грустно: ведь оно — единственное, которое я получил за 8 месяцев; когда люди по полгода не имеют друг о друге вестей и когда неизвестно еще, увидятся ли они, — не след<ует> писать письма подобного содержания.

Знаешь ли действие Твоего письма на меня? Вот оно: —

— *если бы мне была возможность вернуться к Тебе в Дорнах теперь — памятуя о стольких "ужасах" нашего совместного жизненного странствия (как явствует из Твоего письма), я не вернулся к Тебе бы, дабы не портить своим присутствием Твое духовное совершенствование.*

Я, может быть, не принял бы подобного решения, если бы не Твое пред-предыдущее письмо, которого также ждал 6 месяцев; в нем был испуг, что я вернусь к Тебе.

Живи счастливо и свободно. Стеснять Тебя не буду. Не приезжай: здесь люди пухнут от холода и голода.

Господь с Тобой.

Остаюсь любящий Тебя.

Борис Бугаев.

Мне как-то странно сообщать Тебе сведения о моей "биографической" личности; но вот они: служу в Комиссариате по Просвещению (заведовал Научно-Теор<етической> Секцией

Театр<ального> Отдела Комиссариата);² теперь служу в “Пролеткульте”.³ На днях чуть не уехал жить в Самару; может быть еще — уеду; там — сноснее жить.

<ГПБ, ф. 60, N. 57>

¹ Belyj discusses her letter at length in his letter, written at Kovno, to her of 11 November 1921 — see *Vozdušnye puti*, V, 1967, pp. 296-309.

² “Осень <1918 г.>. Поступаю на службу в Тео-Наркомпроса к О. Д. Каменевой: а) член коллегии Отдела б) заведующий Научно-теоретической секцией (сверхсрочная служба): организация плана работ, заседаний, созыв сотрудников, распредел<ение> занятий; и — прочее; в частности: мне принадлежит руководство при выработке плана ‘Театрального Университета’ и составление программы преподавания теор<етических> курсов (проект прошел сквозь Наркомпрос). Скоро покидаю Отдел (по своей воле)” (А. Белый, “Материалы к биографии...”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). Items Nos. 375-398, November-December 1918, in “Sebe na pamjat” detail these activities in ТЕО.

³ “Одновременно: с осени <1918 г.> поступаю на службу в ‘Пролет-Куль’: мои функции а) консультант по проблемам формы б) руководитель этих проблем в семинариях литер<атурной> студии с) лектор: читаю курс по ритмике d) чтение поступающих рукописей e) прием в Прол<ет>-Культе и беседа с начинающими авторами” (“Материалы к биографии...”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). Items Nos. 344-371, November-December 1918, in “Sebe na pamjat” cover Belyj’s work in Proletkul’t.

IV

<апрель 1919 г.>

Дорогая Ася,

неожиданно известили меня о возможности переслать Тебе письмо; пишу 2 письма; деловое по-немецки на случай, если письмо по-русски не дойдет по цензурным условиям.

Дитя, я уже ответил Тебе кратко на письмо, в котором Ты меня знакомила с Твоим душевным миром и где высказала свои опасения о нашей будущей жизни; ввиду того, что вероятно Ты не получала письма, — кратко говорю еще раз: кратко, серьезно, ответственно: —

— Ты мне близка всякой: принимаю Тебя всякой... —

— И прошу: довольно! Теперь, когда еще неизвестно, увидимся ли мы в этой жизни, — не время заниматься критикой друг друга; я ждал от Тебя 6 месяцев писем, и — получил 1) воспоминания Твои об “ужасах” нашей совместной жизни 2) уведомление, что Ты не стесняешь моей свободы (как будто я этого не знал!) 3) уведомление о Твоих отношениях с В<ан>д<ер> П<аальсом>. ¹ Мне было очень грустно, что наша жизнь, которая по условиям времени, может быть, и не возобновится (все <мы> под Богом ходим!) отложилась в Тебе только так, как она отложилась. Заявляю с своей стороны, что я не намерен также стеснять Твоей свободы. И — перестанем говорить в письмах на эти темы, прошу Тебя! А то взаимные уверения друг друга о нестеснении друг друга могут укоренить во мне впечатление, что если бы и была мне возможность приехать к Тебе, то... *так как я не хочу стеснять Твоей свободы, то лучше мне к Тебе не ехать*; ведь этот вывод из одного письма Твоего мне; допускаю и верю, что это не так

.....

Милая дитя, вкратце повторяю то, что пишу на ломанном немецком языке. 1) Не приезжай. Жизнь в Москве ужасна; отопления нет; 1 сажень дров стоит 1200 р. и т. д. Дома с паровым отоплением стоят с лопнувшими трубами; эту зиму прожили так: у меня температура держалась от 7-8° до 2°, 1 1/2°, у мамы уже полтора месяца “-2°”: вода мерзнет в доме; пропитание мне стоит 80-90 рублей в день и т. д. Коробка спичек 3 рубля. Фунт черного хлеба 35 рублей; лепешки на ужин 60 р. и т. д. Все — в таком темпе. Бросаю Москву и бегу в провинцию. ² 2) Есть слабая возможность пробраться в Италию мне в августе-сентябре на 4 месяца от “Дворца Искусств” в сопровождении группы русских художников; только таким образом и можно наладить мою поездку; трудность в том, что разрешение на проезд я еще могу достать от русских, но... от западно-европейских властей почти нельзя добиться; тоже и с переводом денег; требуют “*Николаевские деньги*”, а их не могу достать; кроме того: здесь мой бюджет таков: комната, отопление, освещение рублей 400; корм: рублей 90 в день т. е. 90 x 30 = 2700, а официально получаю жалованье 1400 в месяц + 400 лекторских + случайный заработок; мама голодает и холодает, получая 200 р. пенсии (а у нас дворник получает не менее 500 р., имея главный доход на стороне); прежний 1 р. = 1 копейка по некоторым статьям бюджета. Помогаю

маме, уделяя рублей 600-700 в месяц. Чтобы приехать от себя к Тебе надо иметь несколько десятков тысяч (при почти невозможности проехать): поэтому стараюсь получить командировку, которую мне обещал заведующий “Дворцом Искусств”, где я член литер<атурной> Коллегии.³ Состою на службе в Моск<овском> “Пролет-Культе”, как лектор, консультант-специалист и член лит<ературной> коллегии,⁴ выбран председателем Вольно<й>-Филос<офской> Академии в Петербурге; но эта последняя никак не может осуществиться вследствие технических трудностей.⁵ Осенью служил в Театр<альном> Отделе, заведую научно-технической фракцией, но ушел (там — ужасный кавардак);⁶ одно время возникал Литературный Отдел при Комиссариате; коллегия писателей наметила меня заведующим отделом; но отдел не состоялся из-за разногласия между группой писателей с Луначарским и Горьким.⁷

Литература угасла: нет бумаги. Мы все писатели, служили; в эпоху, когда получил Твое письмо, в декабре, был переутомлен службой: по 4 заседания в день; потом — ночная работа на дому; и все таки: до Рождества принимал живое участие в нашем <Антропософском> О<бщест>ве, где кипела жизнь; теперь — все пресекалось, ибо в комнате О-ва мороз (собираться негде), а сообщения затруднены (члены же живут в разных кварталах; и все — служат).⁸ Трифон заведует Под-отделом в Отделе Охраны Памятников Старины,⁹ Петровский завед<ует> Под-отделом Рум<янцевского> Музея;¹⁰ Маргарита <Сабашникова-Волошина> — в инициативной группе “Дворца Искусств” и в Театр<альном> Отделе и т. д. Б. П. Григоров в “Кооперации”.¹¹

Осенью прочел 3 лекции в О-ве;¹² кроме того читал курс “Стиховедение” в Пролет-Культе;¹³ теперь читаю “Теорию художественного слова” (4 часа в неделю), заседаю, правлю рукописи и готовлю инструкторов для народа.¹⁴ Любопытно: моя ритмика введена в Университет для “Магистерского экзамена” и она оказалась нужна именно для “пролетарских поэтов”. Имею живой контакт с писателями рабочими, для которых “стиховедение” настолько необходимо, насколько вчера оно казалось роскошью для “интеллигентов”. В моей студии необыкновенно талантливые ученики. Пишу 1ую часть эпопеи “Я” (“Записки Чудака”), но работа часто обрывается,¹⁵ ибо вот темп жизни: завтра читаю “Записки чудака”,¹⁶ послезавтра 4х часовая лекция в Пролет-Культе, в четверг я

официальный оппонент Луначарскому во “Дворце Искусств”,¹⁷ в пятницу заседание “Литер<атурной> Коллегии”, в субботу выступаю публично на диспуте от “Дворца Искусств”,¹⁸ в воскресенье читаю в Пушкинской студии.¹⁹ Так течет жизнь; возвращаюсь в холодную нетопленную комнату и подчас ложусь спать, не снимая верхнего платья, накрывшись всем, что есть. Бывает: сиро, голодно, холодно; впереди — голод и холод.²⁰

И вот... —

— не ропщу; но... лежачего не бьют: а подчеркивать с Твоей стороны трудности нашей былой жизни значит: *бить* лежачего... —

— Но не буду... —

.....

Что же мне еще написать, Ася? Не знаю: писать внутренно — нет возможности: ты получишь через 4-5 <месяцев>, когда и я буду уже в другом, и Ты. Теперь ответ на письмо получаешь (если получаешь) через год. И лучше всего: не отвечать на письма; отвечать на мгновенное настроение письма при условии, что адресат получит ответ через год, значит плодит химеры. Прости, если положу химеру, сетую на Твое декабрьское письмо (полученное на Рождество). Господь с Тобой; люблю Тебя по-прежнему.

Б<орис> Бугаев. Наташе привет.

P. S. Здесь голод на книги “Духовного Знания”, почти все уже разошлись, а перепечатывать нет бумаги; моя книга о докторе уже разошлась более году.²¹

Пиши на адрес Петровского, или Москва, Румянцевский Музей, или Москва, Моховая, д. 3, кв. 10. Привет всем друзьям.

<письмо без конверта; ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 281>

¹ Leopold Van der Paals (1884-1966) – Dutch Anthroposophist, musician. Belyj writes of him in his *Vospominanija o Stejnere* (Paris, 1982). See also “Andrej Belyj i Antroposofija” in *Minuvšee*, N. 6, 1988.

² In May 1919 Belyj, accompanied by Klavdija Nikolaevna Vasil’eva, left Moscow for Karašev (Orlovskaja gubernija). He returned to Moscow in August.

³ “<Март-апрель 1919>. Участие в заседаниях и беседах, организуемых “Дворцом Искусств” (“Материалы к биографии...”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед.

хр. 98). Items Nos. 441-445 in “Sebe na pamjat” detail Belyj’s work there in the first four months of 1919.

⁴ See note N. 3 to Belyj’s letter N. III to Asja.

⁵ On 16 January 1919 Ivanov-Razumnik wrote to Belyj in Moscow:

<...> вместо “Скифа” — С. К. И. Ф., то есть: Социально-Культурный Факультет Искусств, открываемый на днях Вольно-Философской Академией, председателем совета которой избраны Вы. <...>

Состав членов-учредителей, открывающих Академию: <А. М.> Авраамов, Блок, Белый, Иванов-Разумник, <Б. А.> Кушнер (есть такой молодой теоретик футуризма, не вредный для перца в Скифской Акад<емии>), <Е. Г.> Лундберг, Мейерхольд, <С. Д.> Мстиславский, Петров-Водкин (который сегодня тоже едет в Москву и будет у Вас, хотя и не по делу Скифской Академии), Л. Шестов, <А. З.> Штейнберг (молодой и очень симпатичный философ, только что вернувшийся из Германии, “ученый секретарь” Академии), Эрберг. Всего — “12”.

Члены совета: Блок, Белый, Иванов-Раз<умник>, Кушнер, Мейерхольд, Петров-Водкин, Штейнберг, Эрберг.

Председатель совета — Вы.

Товарищ Председ<ателя> — я.

Секретарь — Штейнберг.

<...> Вырабатывается курс лекций (по форме сходных с Рел<игиозно>-Фил<ософским> общ<еством>). Открытие Скифской Академии — в конце января чтением А. А. Блока: “Каталина, эпизод из истории мировой революции”. Хорошо бы, если б следующие чтения были Ваши! N. В. Совершенно необходимо, чтобы Вы приехали на открытие! (ГБЛ, ф. 25, к. 16, N. 66).

Belyj did travel to Petrograd in January-February to take part in discussions about the new Academy (see items Nos. 432-433 of “Sebe na pamjat”), but it opened only on 16 November 1919 when Blok read “Krušenie gumanizma” at the first open meeting of what was now called “Volnaja (or Vol’no-) Filozofskaja Asociacija” (“Vol’fila”). Belyj himself later wrote: “С начала 1919 года в Петербурге среди кружка писателей и философов возникла мысль основать ‘Академию Исканий’ в области вопросов, поднимаемых живой современностью, для уяснения и углубления их в свете философских идей. <...> ‘Академия’ по ряду причин не могла состояться. Вместо нее в ноябре 1919 года возникла “Вольная Философская Ассоциация”, объединившая разнообразные течения мысли” (‘Вольная Философская Ассоциация’, *Новая Русская Книга*, N.1, 1922, с. 32). In April 1921 Ivanov-Razumnik wrote to Belyj: “Вы — центр Вольфилы. Так думают вольфилосы а не один я” (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 193).

⁶ See note N. 2 to Belyj’s letter N. III to Asja.

⁷ “<начало 1919 г.>. Участие в ‘Союзе Писателей’ и в подготовке к организации Литер<атурного> Отдела при Наркомпросе (выбран группой писателей и поэтов председателем будущего ‘Лито’, который возник через 1 1/2 <месяца> лишь совсем в другом виде; с другими участниками <...> приглашен в коллегии будущего ‘Лито’, но — отказался” (“Материалы к биографии...”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98).

⁸ Compare Belyj’s letter to Asja of 11 November 1921: “до Рождества 1918 года я <...> читал лекции в нетопленном помещении ‘Антр. О-ва’, посещал заседания О-ва; — а с января 1919 года я все бросил: посещение Общества, чтения лекций для интересующихся Антропософией, лег под шубу и — пролежал в полной прострации до весны, когда оттепель немного согрела мою душу и тело” (*Воздушные пути*, V, 1967, с. 297).

⁹ Trifon Georgievič Trapeznikov (1882-1926) – Anthroposophist, art historian. About him see my annotation to the memoirs of M. N. Žemčužnikova, *Minuvšee*, No 6, 1988, p. 27.

¹⁰ Petrovskij’s work in the Rumjancev Museum (and then the Lenin Library) is described in the Introduction to the catalogue *Gravjury iz kolekcii A. S. Petrovskogo* (izd. GBL, otdel redkix knig, M. 1980).

¹¹ Boris Pavlovič Grigorov (1883-1945) – head of the Moscow section of the Russian Anthroposophical Society. See memoirs of M. N. Žemčužnikova and my annotation on p. 15 in *Minuvšee*, N. 6, 1988.

¹² “Осень <1918>. Читаю в антр<опософском> О<бщест>ве лекции: “О живоносном импульсе европейск<ой> культуры”, “Венец Любви”, “Зимнее Странствие” (“Материалы к биографии...”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). See also “Sebe na pamjat”: 339) Октябрь <1918>. “О живоносном импульсе европейской культуры”. Лекция для интересующихся, в помещении Антр. О-ва. Москва. 340) Ноябрь. “О Короне любви и Мистерии смерти”. Лекция <...> 341) Декабрь. “Зимнее странствие и полуночное солнце”. Лекция <...>.

¹³ “Осень <1918>. Читаю открытую лекцию в Пролет-Культе: ‘Стихование’” (“Материалы к биографии...”). This lecture, given in December, is item N. 369 of “Sebe na pamjat”. In October-December 1918 Belyj conducted a course entitled “Ritmika” at Proletkul’t (items Nos. 357-364 of “Sebe na pamjat”).

¹⁴ “1919 год. 1) Курс в Пролеткульте: ‘Теория Худ. Слова’ (до мая)” (“Материалы к биографии...”). In “Sebe na pamjat” Belyj wrote that he gave the course (items Nos. 404-412) between February-April. Items Nos. 413-429 cover his other activities at Proletkul’t during the first four months of 1919.

¹⁵ Belyj started *Zapiski čudaka* in January-February 1918, and worked on it fitfully throughout the year. In “Materialy k biografii...” he noted for the autumn of 1918: “одновременно дописываю и перерабатываю ‘Записки чудака’”. He finished work on it only at the end of December 1921, in Berlin. When published

by "Gelikon" in two volumes (1922) the "Vместo predislovija" was dated 2 January 1922, and Belyj wrote: "Эпопея есть серия мной задуманных томов, <...> 'Записки чудака' — предисловие — пролог к томам".

¹⁶ "Себе на память", N. 438) Апрель <1919>. "Записки Чудака". Чтение у Гершензона. Москва.

¹⁷ "Себе на память", N. 445) Апрель <1919>. Прения после реферата Луначарского "О покое у мистиков". Дворец Искусств. Москва.

¹⁸ "Себе на память", N. 444) Апрель <1919>. "Пути культуры". Лекция во Дворце Искусств. Москва.

¹⁹ "Себе на память", N. 440) Апрель <1919>. "Теория художественного Слова". Лекция в "Пушкинской Студии". Москва.

²⁰ In a diary fragment included in the "Materialy k biografii..." the entry for 1 April 1919 reads: "Холод. Снег. Мороз. Иду греться во 'Дворец Искусств'. <...> Жизнь — нельзя: у меня начинается ревматизм. Прекращаю за неимением времени даже эту жалкую пародию на дневник. 7го апреля. Жизнь — собачья".

²¹ In his 21 February 1918 letter to Asja (Nivat, p. 139), Belyj wrote: "книги 'Дух. Знания' идут чудесно: скоро нечего будет распродавать, ибо все почти разошлось, как и моя книга при всей ее 'специальной окраске'". Belyj has in mind his book *Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности*, issued in Moscow by the Anthroposophical publishing house "Dуховное Znanie" in 1917.

ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО А. Д. БУГАЕВОЙ

Belyj's correspondence with his mother, Aleksandra Dmitrievna Bugaeva (née Egorova, 1858-1922), has recently been examined in S. D. Voronin's "Iz pisem Andreja Belogo k materi" (*Pamjatniki kul' tury. Novee otkrytija 1986*, Leningrad 1987, pp. 64-76). Oddly enough, he ignores for the most part their relationship after 1916, and it is on those years that I want to concentrate here.

Until 1910, when he left Moscow to travel to Italy, North Africa and Palestine in the company of Asja Turgeneva, financial dependency forced Belyj to share the apartment in which he had grown up on the Arbat with his nervously unstable mother, who alternately provoked affection and exasperation. Whenever he showed the slightest sign of independence, which she nominally encouraged — by going abroad late in 1906 (until the spring of 1907) or by considering moving to Petersburg — she responded with recriminations about his

ingratitude, indifference to her, and even abandonment. She pretended to accept Asja, but never forgave her for “stealing” her son. Belyj realized this only when he returned to Moscow in the spring of 1911:

Здесь должен я вскрыть отношение к матери, страдавшей расстройством чувствительных нервов; объектом фантазии стала ей Ася, превращенная в интриганку, втершуюся между сыном и матерью; при подобной химере отрезывалась и возможность нам вместе жить; а мать того требовала; мое свидание с нею отразилось лишь шпильками по адресу Аси; <...> с дико блуждающим взглядом она не желала выслушивать; глаза становились пустыми, а рот был поджатый; поездка-де — стремление интриганки отбить сына у матери (*Литературное наследство*, т. 27-28, с. 442).

After he and Asja again left for Europe in 1912, she did everything in her power to break up the relationship, going so far as to make a difficult trip to Dornach in 1914 and then to “convert” to Anthroposophy in a vain attempt to regain her son’s sole allegiance (see *Minuvšee*, N. 6, 1988, pp. 376-77).

Throughout his stay in Dornach in 1914-16 she pleaded with him to leave, but when he had to return to Moscow late in the summer of 1916 to answer his military call-up, all the old difficulties and conflicts between them resumed. On 22 December 1916 he wrote to Ivanov-Razumnik:

Вы спросите, почему я приличнее не устроился. Трудно объяснить: получив 3 месячную отсрочку и не живя с мамой уже 5 лет, я решил для нее с ней пожить. Мама моя человек чуждый моим запросам. С ней трудно. Комната моя на юру, неудобная, и около входной двери; <...> И вот я стал жертвой 3 месячной отсрочки и обещания жить вместе с мамой; меня донимают неугомонные таксы из одной двери и посетители из другой; самая же моя “двухдверная” комната напоминает воистину мне мое сирое, ужасное житие в 1906, 7, 8 и 9ом годах: это комната, где я хотел покончить с собой; где я был не самим собой, а собственным двойником (“шутом” в роде “красного домино”); зеленый цвет мебели, пропитанной табачным дымом и многолетними разговорами истерио-неврастеников донимает меня; я сбежал, встретив Асю, от мамы, неврастении, друзей, интриг, таксов и своего двойника. И много раз впоследствии содрагался от воспоминания своего “бытия” в этой зеленой комнате. <...> и выслушивать — увы! — долгие речи мамы о том, что я призван “вращаться в о<бщест>ве”, что я наконец вырван из когтей тупых швейцарцев, Дра, Аси т. е.

всего того, что я люблю. <...> Мама человек больной, видящий всюду химеры и с тяжелым характером (при том меня не понимающий); и поэтому искони (со смерти папы) наш дом был для меня олицетворением атмосферы рассказов Сологуба. Из-за этой атмосферы я когда-то чуть не запил. <...> В такой атмосфере разве что можно переживать настроение “*Петербурга*”. А мое стремление к “солнышку”, к утверждению жизни, к позитивному творчеству — увы! — не для Москвы: мечтаю по окончании войны тотчас же удрать с Асей в Италию и приняться за “*Мую Жизнь*”. В Москве же могу лишь писать роман “*Моя гибель*” (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 7).

Their life together only worsened after the revolutions of 1917. Now she became totally dependent on him, as her small pension of 200 rubles was inadequate to the ever rising prices and her savings were quickly depleted. On 27 February 1918 Belyj wrote to Ivanov-Razumnik:

За “Карму” получаю 200 рублей; и — вынужден тотчас отдать, ибо благодаря сейфам и закрытой казенной Палате у мамы в кармане 3 рубля, у меня — 10; мы — голодаем; на мне — целый дом, ибо мама в отчаянном положении (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 9).

That month Belyj moved out of the family apartment. It was turned into communal living quarters, in which his mother had one unheated room. She, like most other Muscovites, was reduced to barter (“<мама> жила еще без печурки <...> каждый день выходя на Смоленский Рынок продавать старье свое” — 11 November 1921 letter to Asja). She managed to earn a little by giving piano lessons, but without the money and, most importantly, the food rations Belyj gave her, she would certainly have starved. She did nothing to let him forget that fact. Before every trip from Moscow, especially before his long stays in Petrograd, Belyj had to make complicated arrangements for her to receive his ration tickets. In August 1921, when she may have learned of his plans to go abroad, one of her letters to him provoked an anquished response:

Милая мама,
да не разрывай же мне сердца! Ну что я могу сделать? Ведь мне решить, где служить в Москве ли, в Петербурге ли — все это связано с тысячами нитей; я устал, как собака, — да, я болен: болен нервным переутомлением; ведь и Блок умер, сначала заболел усталостью и нервами, а потом и ангиной... Что я могу ответить на Твое письмо? Ты меня приглашаешь скорей лететь к Твоему пайку,

бросив все, что неукоренимо связывает меня с *Петербургом* (работа, служба, возможность кое-как держаться и не умирать, ряд дел, о которых Ты и не можешь иметь представления) — и так: моя жизнь должна быть жизнью при Твоем *пайке*, а откуда я в Москве буду зарабатывать деньги? Это Ты подумала? А где я буду жить? Это — Ты подумала? Да еще при нервном расстройстве и сердечных одышках? Согласись, что Твое письмо, — камень в мою болезнь. И пойми, что я молчу, ничего не пишу Тебе оттого, что у меня стиснуты зубы от боли, что я 2 месяца ломаю себе голову, как мне устроиться, как Тебе питать, как жить...

Подожди, потерпи: через 2-3 недели все разрешится; и мне или придется Тебя выписывать в Петербург, или ехать в Москву к Твоему *пайку* и своему *разложению* и *смерти* от невозможности в Москве работать.

Не сердись на меня, но и пойми, что есть вещи, от которых хочется себе разбить голову об стену, и что сил у меня уже ни моральных ни физических *жить* нет.

Скоро так или иначе увидимся. Надеюсь, скоро будут деньги. [Ведь у меня пропала] затеряли мою *рукопись*, а с ней по крайней мере 2.000.000 рублей, предназначавшихся на прожитие Тебе. Сейчас у меня денег нет. Надеюсь раздобыть. Остаюсь любящий Боря (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 359).

Before leaving Moscow in October he saw to her immediate needs:

Доверяю получить следуемый мне пай за ноябрь месяц матери моей, Александре Дмитриевне Бугаевой, проживающей на Арбате, в Никольском переулке д. 21, кв. 5. Дорогомиловский Химический Завод. Квартира А. И. Анненкова. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) ноябрь 21 года.

but he encouraged her to move to Petrograd, where he had friends who could look after her in his absence. She died there “around the twentieth of October 1922” (“Letopis’ žizni i tvorčestva A. Belogo”).

The letters to her published here for the first time are held in CGALI, f. 53, op. 1, ed. хр. 359.

I

3 ноября. 21 года.

Милая, милая, милая мамочка,

вот уже около 2х недель я в Литве, в Ковно, в ожидании разрешения мне въехать в Германию. Теперь разрешение при- было, и я скоро еду в Берлин (5-6-7го).¹ В Ковно я чувствую

себя прекрасно; здесь множество русских (есть знакомые из Москвы и Петрограда). Представь себе совсем иную жизнь: освещение, множество продуктов, переполненные кафе, музыка и т. д. Я так хорошо питаюсь, что все говорят, будто я за 10 дней очень пополнел (ем филз, шницель); пища — дешева.

Ко мне литовцы относятся с большим вниманием, приглашают в оперу, драму; недавно меня пригласили на своего рода банкет литовские писатели и говорили приветственные речи; пришлось отвечать; и представь: на этом вечере я даже вспомнил старое: много танцевал с литовскими барышнями. Сегодня в Ковно развешаны афиши по-литовски и по-русски о моей лекции (завтра и послезавтра читаю лекцию); познакомился с рядом писателей; все, начиная с начальника города, ко мне любезны.² Вообще, мне хорошо в Литве. Был уже в немецкой миссии. Немецкий представитель уже осведомлен о моем приезде; он обещал все содействие для беспрепятственного разрешения мне ехать в Берлин; и даже пригласил на чашку чая; вообще: мое имя (*“Андрей Белый”*) страшно облегчает мне: все знают меня; знают и немцы.

Мне предлагают из Кенигсберга прямо лететь на аэроплане в Берлин; и из Ковно можно лететь. Всюду — воздушное пассажирское сообщение. Я уже послал Асе в Швейцарию письма по воздушной почте, которая функционирует всюду.

Из этого Ты видишь, что мне хорошо и спокойно. Тебе нечего беспокоиться обо мне. Господь с Тобой, поезжай спокойно в Петербург.

Люблю Тебя нежно. И — не забываю.

Остаюсь крепко любящий Тебя

Борис Бугаев.

P. S. Если письма долго не будут приходить от меня, не беспокойся: из Берлина я еще не знаю, как можно писать. А это письмо мне устраивает М. И. Балтрушайтис с литовским курьером.³

<Письмо без конверта>

¹ Belyj arrived in Kovno on 23 October 1921. Receiving a German visa proved to be more difficult than he had anticipated, as he complained in a letter to Asja on 11 November: “вот вырвался, — и меня не пускают в Германию и не к кому обратиться. <...> В Ковно мне долго жить нельзя (транзитная виза)” (*Воздушные пути*, V, 1967, сс. 302-303). He had to stay there until 15

November. On the sixteenth he was in Königsberg (East Prussia). He reached Berlin by train on 18 November (see “Хронологическая канва передвижений...”, cited in the Introduction; in other documents Belyj dates his arrival in Berlin as 19 November).

² For details on the three lectures Belyj read in Kovno see citations from “Materialy k biografii...” and “Sebe na pamjat” in the Introduction. In his 11 November letter to Asja he wrote: “Литовцы очень милый народ. Я сошелся с Обществом Литовских Художников (включающее и литераторов); среди них нашлись милые, тонкие, сердечные люди. <...> Две мои лекции (технические) о худ. форме сильно запали в сознание здешней молодежи” (*Воздушные пути*, V, с. 308).

³ In September 1920 the Russian and Lithuanian poet Jurgis Baltrušaitis (1873-1944), an old acquaintance of Belyj and other fellow Symbolists, became the diplomatic representative (and later the ambassador) to Soviet Russia from the newly independent Lithuanian state. He did much in that capacity to help Russian writers trying to emigrate to Western Europe or to aid those already abroad in keeping in touch with relatives and friends in Russia.

II

Берлин. 29го дек<абря>. 21 года.

Милая мама,

только сегодня получил Твое письмо. Прости, что долго не писал; это происходило оттого, что я не знал, где Ты. Милая моя, хорошая, я часто о Тебе думаю, и очень занят мыслями о том, как Тебе. Что касается меня, то я устроился хорошо и спокойно в Берлине, в чистой светлой теплой комнате с прекрасным пансионом. Пиши мне; письма доходят. Мой адрес: Deutschland. Berlin. W. Passauerstrasse 3. III Stock, bei d'Albert. Herrn Boris Bugaeff. Моя хозяйка — милая, интеллигентная дама, бывшая жена пьяниста д'Альбера.¹

Поздравляю Тебя с праздником и с наступающим новым годом, в который мы, вероятно, увидимся. В Берлине масса русских и из Москвы и из Петербурга (знакомых); устроили здесь “Дом Искусства” и “Вольно-Философскую-Ассоциацию”.² Дела много. Теперь думаю много работать: писать.

Видел д<окто>ра Штейнера и Асю. Представь: первый человек, которого я встретил в Берлине, была Ася; она с доктором

проехала из Швейцарии через Берлин в Христианию; и — обратно: давать эвритмические представления; мы провели с ней 4 дня; и на возвратном пути она осталась 4 дня в Берлине.³ В общем — не скажу, чтобы Ася порадовала меня; она превратилась в какую-то монашенку, нежелающую ничего знать, кроме своих духовных исканий.

Я, вероятно, в Швейцарию не поеду: трудно проехать; и — дорого: 1000 марок немецких т. е. почти 900.000 русских рублей — не более 50 франков, а то и менее. И далее: русских в Швейцарию не пускают; перезимую в Берлине, летом, вероятно, поеду куда-нибудь в горы (в Германию же), а осенью, может быть, — в Россию, если позволят обстоятельства.

Ну, милая моя, Христос с Тобой. Соне привет, Кларе Гитмановне, Марье Гитман<овне>. Ефиму Яковлевичу привет тоже.⁴ Скажи, что мы часто видимся с Соломоном Гитмановичем. Елене Юльевне Фехнер (мой большой друг) — привет тоже.⁵ Остаюсь нежно любящий Тебя

Твой Боря.

Христос с Тобой.

Р. S. Передай Софье Гитмановне записку.

<Письмо без конверта>

¹ The British-born German pianist and composer Eugène (Francis Charles) d'Albert (Glasgow, 1864-Riga, 1932), a pupil of Liszt, was married six times. His second wife — Belyj's landlady during his first months in Berlin — was the singer and voice teacher Hermine Finck (1872-1932).

² Belyj's article "Vol'naja filosofskaja asociacija", published in *Novaja Russkaja Kniga*, N. 1, 1922, pp. 32-33, is primarily devoted to an account of its activities in Petrograd. He played a central role in its founding there and in Berlin, where a branch was started in December 1921 (see *Golos Rossii*, 10 December 1921, N. 836). He served as the chairman (*predsedatel'*) of its council (*sovet*).

Belyj also took an active part in the Berlin Dom Iskusstv, which opened in November 1921: "В понедельник 21 ноября состоялось организационное собрание по устройству 'Русского Дома Искусств' в Берлине. Целью его является создание аполитической организации, объединяющей деятелей русской литературы и искусства, учреждения клуба, лекций, концерты и пр. Учредителями 'Дома Искусств' являются: Андрей Белый <...> Клуб 'Дома Искусств' помещается в Кафэ Ландграф, Курфюстенштрассе 75" (*Голос России*, 24 ноября 1921, N. 822). Issue N. 829 of the same newspaper reported that at the first general meeting of "Dom Iskusstv" on 29 November Belyj was elected a member of its council. He was re-elected in 1922 and named

the chairman. Unlike its famous Petrograd counterpart, the “sumašedšij korabl” of numerous memoirs, the Berlin organization offered no living or dining accommodations to its members, but confined its activities to lectures, readings, and concerts. These, however, were very frequent. Belyj gave the first public lecture it sponsored on Wednesday, 14 December 1921 (“Kul’tura v sovremennoj Rossii”; see the notice ““Dom Iskusstv’ v Berline” and the text of Belyj’s speech in *Novaja Russkaja Kniga*, N. 1, 1922). Belyj’s work in both “Vol’fila” and the Dom Iskusstv is spelled out in detail in the excerpt from “Sebe na pamjat’” cited in the Introduction.

³ Rudolf Steiner (1861-1925), the founder of Anthroposophy, whose world headquarters were located in Dornach (Switzerland), lectured in Berlin on 19 November 1921. He then spent almost two weeks (23 November - 4 December) in Kristiania (Oslo), lecturing on a variety of Anthroposophical subjects, among them “Eurythmie als Impuls für künstlerisches Betätigen und Betrachten” (for details see *Rudolf Steiner. Das literarische und künstlerische Werk. Eine bibliographische Übersicht*, Dornach, 1961). On 7 December he again lectured in Berlin; by 11 December he and his entourage were back in Dornach. Belyj’s complex relations with Steiner are surveyed in “Andrej Belyj i Antroposofija”, *Minuvšee*, N. 6, 1988.

⁴ Sonja, i. e. Sof’ja Gitmanovna Kaplun (1901-1962) was a student of the sculpture faculty at the Akademija xudožestv in Petersburg, and, after the Revolution, active in the affairs of “Vol’fila” (see *Literaturnoe nasledstvo*, 92, kn. 3, p. 815), where she met Belyj. He became a close friend of her whole family during the months he spent in Petrograd in 1920 (February-mid-July) and 1921 (31 March-early September). She later married another of Belyj’s good friends, the poet Sergej Dmitrievič Spasskij (1898-1956).

Her sister, Klara Istrum, was Belyj’s first “employer” when he settled in Petrograd in March 1921: “Поступил в Библиотеку Наркоминдела (заведующая Клара Гитмановна Каплун). Март, апрель и май работал в Библиотеке. от 11 до 4х. Классифицировал книги по десятичной системе” (“Для памяти. Жизнь в Петрограде. Март-август 1921 года”, part of the “Материалы к биографии”, ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). In the same document he wrote of this Petrograd period: “С кем чаще всего виделся: с Ивановым-Разумником, Меринг, Фехнер, Волошиной, Соней Каплун, К. Г. Каплун, Лигским, Бруни, Эйсером, Михайловым, Пястом”.

Another sister, Marija, was married to Efim Jakovlevič Belickij, an acquaintance of both Blok and Belyj. Belickij headed the otdel upravlenija Petrogradskogo Soveta. During the 1920s he worked in publishing (“Эпоха”, “Lengiz”). In the summer of 1922 he visited Belyj at Swinemünde.

Their brother, Solomon Kaplun-Sumskij, headed the Berlin branch of the “Эпоха” publishing house, which issued eight books by Belyj in the early 1920s. He died in France in 1940. On his relationship with Belyj in Berlin see A. M. Remizov, “Neizdannij Merlog”, publ. of Antonella d’Amelia, *Minuvšee*, N. 3, 1987, pp. 220-21.

⁵ Elena Jul'evna Fexner (born 1900) was an active member of "Vol'fila", a student at the Institut istorii iskusstv, and later an art historian. In "Dlja pamjati" (see note 4 above) Belyj wrote: "Принимая деятельное участие в реорганизации 'В. Ф. А.' (система кружков и заседаний кружков). Мой кружок — 'Проблемы символизма'. Состав кружка: М. В. Волошина, Р. В. Иванов, Векслер, Виссель, Фехнер, Меринг, Гагенторн, Форш, Пяст, Кроль, Михайлов, Пинес".

III

<31 декабря 1921 г.>

А. Д. Бугаевой

Милая мама,

поздравляю Тебя с праздником Рождества Христова. И — с новым годом. Мне в Берлине удивительно хорошо в смысле всяких удобств: великолепная пища, комната, уход, покой; но тяжело внутренне — духовный свет <так> с Россией: нет дня, чтобы не вспоминал Тебя.¹ Хорошо ли Тебе? Довольна ли Ты жизнью. Пиши мне. Не зная Твоего адреса, пишу Соне. Здесь, в Берлине — все, как прежде; театры, кафэ, туалеты, внешний комфорт; только — подорожало; проживаю в месяц до 6000 марок; редактирую журнал, читаю лекции, пишу.² Здесь более 100.000 русских. Масса знакомых. Встретил Марию Ник<олаевну> К.³ — хотела телефонировать мне. Видел Асю, Штейнера. Ася приезжает опять сюда 23 января с Доктором.⁴ София Ник<олаевна> Кампиони в Дорнахе.⁵ Мне приготавливает визу в Баварию граф<иня> Калькрейт.⁶ Может быть, с весной буду в Мюнхене; пиши подробно, как ты. Люби Соню, Разумника Васильевича⁷ и Елену Юльевну: они — мои хорошие, близкие друзья. Думаю о Тебе; может быть, зимою 1922 года — увидимся. Не тоскуй обо мне. Мне хорошо во внешней жизни: только душа болит, — Ася оставила меня. Трудно пережить это.⁸ Ну да я — железный: все переживу. Милая, хорошая, — пиши по адресу так (в таком порядке). *Германия. Берлин. Deutschland. Herrn Boris Bugaeff. Passauerstrasse 3. bei d'Albert. Berlin. W.* (живу у жены пьяниста д'Альбер). Христос с Тобой.

Боря.

<Письмо посланное заказным; на конверте: Петроград. Софии Гитмановне Каплун. Для Александры Дмитриевны Бугаевой.

Мойка 11, кв. 34. Берлинский штемпель: 31. <12. 21>. Петроградский: 11. 1. 22>

¹ In the “Rakurs dnevnika” (as cited in “Letopis’ žizni i tvorčestva A. Belogo”) Belyj wrote for December 1921: “Час от часу не легче... переоценка ценностей 10 лет (людей... идей... себя). Угрюмость <...> Тоска все глубже грызет... — ужас отчаяния.”

² The journal is the “literaturnyj sbornik” *Èropeja*, four issues of which appeared in Berlin in 1922-23. On 14 December Belyj read a lecture entitled “Kul’tura v sovremennoj Rossii” at the Dom Iskusstv; on 18 December he lectured on the subject “Problemy kul’tury” for the YMCA; issue N. 836 (10 December) of *Golos Rossii* announced that Belyj was to speak on “Vetxij i Novyj Zavet” at “Vol’fila” on 26 December. That month Belyj had been at work on the first chapter of his expanded “Vospominanija o Bloke” (to be published in *Èropeja*) and the concluding part of *Zapiski čudaka*.

³ Probably the “Madame Kistjakovskaja” mentioned in Belyj’s memoirs (see, for example, *Načalo veka*, p. 262) as a friend of his mother’s. She and her husband, the Moscow lawyer Igor’ Aleksandrovič Kistjakovskij, were both frequent visitors at Belyj’s “Sundays” in 1903. He later served as the Interior Minister in the Ukrainian State headed by Pavlo Skoropadskij (1918). After its fall, he and his wife emigrated.

⁴ Steiner lectured in Berlin on 26 January 1922.

⁵ Asja was the daughter of Sofija Nikolaevna Kampioni (née Bakunina) by her first marriage. She had visited Asja and another daughter, Natal’ja, at Dornach in 1914. See Belyj’s memoirs in *Literaturnoe nasledstvo*, 27-28, pp. 448-449.

⁶ Pauline, Gräfin von Kalckreuth (1856-1929) – a prominent Anthroposophist, head of the Society’s Bavarian Section. Belyj writes of her in his *Vospominanija o Šejnere* (Paris, 1982), pp. 164-66; see also “Andrej Belyj i Antroposofija”, *Minuvšee*, N. 6, 1988. Belyj never travelled to Munich or Bavaria during this stay abroad.

⁷ Razumnik Vasil’evič Ivanov (Ivanov-Razumnik, 1878-1946) – one of Belyj’s closest friends. See A. V. Lavrov, “Rukopisnyj arxiv A. Belogo v Puškinskom Dome”, *Ežegodnik rukopisnogo otdela PD na 1978* (Leningrad, 1980), pp. 23-63, and Roger Keys, “The Bely-Ivanov-Razumnik Correspondence”, *Andrej Bely. A Critical Review* (Lexington, 1978), pp. 193-204.

⁸ In the “Rakurs dnevnika” Belyj noted for January 1922: “Ужасная встреча Нового года”, and on 15 January 1922 he wrote to Ivanov-Razumnik: “Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня; Штейнер — разочаровывает; <антропософское> движение — пустилось в “пляс”; русские — сонные тетери; ни в чем нет успокоения. Нервы расстроились; работа не идет. Сознательно стал пить; вообразите — идет ли мне быть пьяницей? а я стал пьяницей — от горя! <...> От боли стискиваю зубы; и

— *пью...* Провалилась Ася, Штейнер, движение, — все: нелегко мне вынести эту утрату” (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, N. 13).

IV

6го марта. Берлин. 22 года.

Моя милая, милая, тысяча раз милая мама,

спасибо Тебе за хорошее, меня поддерживающее письмо. Нет дня, чтобы я Тебя не вспоминал. Я спокоен за Тебя; я уверен, что Тебе весной будет недурно в Петрограде. Прошлую весну я наслаждался Невой, Летним Садам. Теперь прошло самое трудное время. Милая моя, — и в моей душе прошло самое трудное; мне было очень нехорошо зимою (в декабре-январе-феврале). Теперь март, и — всюду чувствуется весна. Идут дожди, продают цветы. Внешне я очень хорошо устроился; хозяйка, очень культурная дама, профессор пения, Mme d'Albert, жена (вторая и бывшая) известного пьяниста д'Альбер, за мной хорошо ухаживает. И вообще, — я вполне в чистоте, в комфорте, в удобстве. Все трудное, что пришлось пережить, — душевного порядка. И не то, чтобы Ася меня бросила (мы же в прекрасных отношениях), а то, что *антропософия* ее совершенно фанатизировала. Ей некогда думать о себе и обо мне, как ей некогда думать ни о чем, кроме своей *службы* делу Доктора, — говорю *службы*, потому что *охота пуще неволи...*

Что ее толкает так калечить свою душу и жизнь (свою и мою) — не знаю, или вернее знаю, но... неодобряю.¹

Конечно мне грустно ехать к жене и очутиться без жены, одному в Берлине. До сих пор она была 3 раза наездом из Швейцарии (ведь она все разъезжает с эвритмией по городам, танцует то здесь, то там: то в Норвегии, то в Праге, то в Лейпциге, то в Штутгарте). Так же с турнэ заезжает она и в Берлин. Сегодня или завтра она приезжает в 4ый раз уже. И обещала на этот раз остаться, пожить со мной недели две-три;² сейчас иду на лекцию Штейнера;³ здесь, в Берлине, антропософские курсы; буду отсиживать с 9 до 3х. И все вечера. Но хочу пропустить все лекции через свое сознание.

Я очень занят: пишу книгу, буду продолжать писать роман,⁴ редактирую худ<ожественный> журнал; мы открыли отделение “Вольфилы”, “Дом Искусства”. Здесь масса русских, масса

приглашений (так: вчера на капустник “Художественного Театра”, дававшего представления); в Берлине 105 тысяч русских, русские газеты, рестораны, клубы, лекции. Улица рядом со мною, Tauentzienstrasse, по вечерам покрыта русским говором.⁵

Думаю скоро переехать на дачу под Берлин, а то, как в Москве и Петербурге мешают работать.

Милая, хорошая, — из этого описания внешней моей жизни в Берлине Ты видишь, что мне хорошо.

.....

Мамочка, вчера, после того, как написаны были эти слова, слышал лекцию Штейнера: что за удивительная! Я был совсем потрясен. После лекции до 12 1/2 ночи сидели с Асей в ресторане “Rheingold”; оркестр играл цыганские песни и вспоминалась Россия.

Сейчас дивное, весеннее утро: 8 часов; сижу с открытым окном и дописываю письмо; врывается солнце и на душе — может быть, в первый раз после всей зимы, — тоже солнечно. Как хотелось бы солнечно Тебе улыбнуться. Милая, хорошая, Господь с Тобою.

Скоро еще напишу.

Остаюсь глубоко любящий Тебя

Боря.

Общим знакомым привет. Соне, Кларе Гитмановне, Фехнер, Разумнику Васильевичу и “Вольфиле”.

<Письмо посланное заказным на петроградский адрес: Мойка 11, кв. 6. Берлинский штампель: 15. 3. 22. Петроградский: 28. 3. 22.>

¹ On 12 March 1922 Belyj wrote to Ivanov-Razumnik: “Мне непереносно, что антропософия у меня отняла Асю (где ей до меня, когда она себя давно забыла и — в огне дела)”.

² Asja did spend much of March-April 1922 in Berlin.

³ Steiner gave eleven lectures in Berlin from 5-12 March 1922 on “Anthroposophie in ihrem Wissenschaftscharakter und als Lebensinhalt” (Berliner anthroposophischer Hochschulkurs). He lectured twice on 6 March.

⁴ The book (*kniga*) Belyj was writing was the “Vospominanija o Bloke”; by March he had finished the first two chapters. The novel (*roman*) he has in mind is the grandiose plan for a multi-volume “Ja - Эпопея”, of which only parts (such

as *Zapiski Čudaka*) were completed and published; if he attempted to continue it in Berlin, nothing came of the effort.

⁵ See Robert C. Williams, *Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881-1941* (Ithaca, 1972), esp. pp. 111-58. Williams writes that "Southwest Berlin became almost a Russian suburb in the early 1920's" (p. 114), and that the total number of Russians living in Germany at the beginning of 1922 was "less than 250.000" (p. 111).

V

<апрель 1922 г.>

Милая, милая мамочка,

получила ли Ты мое письмо, написанное недавно. Пишу наспех эти несколько слов: на днях напишу подробно. Жизнь в Берлине — ужасная суета; иногда по неделям не можешь прикоснуться к письменному столу: так люди рвут на части; и при всем желании сосредоточиться, — нельзя. И вот я решил переехать. Недели через 2 уезжаю из Берлина в Вюнсдорф (час езды, в деревню), чтобы обосноваться там; и только наезжать в Берлин по делам.¹ Буду там жить с хорошими знакомыми; и много писать.

Дорогая, хорошая моя мамочка: обстоятельства так складываются, что еще долго не буду в России. Я думал эту зиму поработать, а меня 4 1/2 месяца рвали на части: "Дом Искусств", "Вольфила", устраивается "Дом Ученых", и т. д. Везде приходится невольно бывать (ведь здесь, в Берлине — 300.000 русских: русские кафэ, газеты, журналы, писатели; совсем — Москва или Петербург). Сейчас гостит здесь уже с месяц Ася; и мы каждый день видимся с ней; всюду бываем вместе; она — очень нравится всем: в ней что-то совсем очаровательное: сочетание мягкости, ласковости с духовной строгостью и чистотой.

Мама, хорошая моя, — не огорчайся нашей долгой разлукой; я — мыслью с Тобой. Постоянно думаю о Тебе. Мне очень радостно, что Ты дружишь с Соней: она — мой друг. Мне очень хотелось бы, чтобы Ты поняла, какой прекрасный человек Разумник Васильевич: бывай в "Вольфиле". Играешь ли Ты? Пиши чаще: письма доходят. Пока еще я не имею моего нового адреса. Пиши пока по адресу такому: Berlin. Alte Jakobstrasse (bei Lindenstrasse). 129. Kunstverlag "Helikon". Herrn A. Wischniak (с передачей мне: можно по-русски).²

Ну Христос с Тобой. Обнимаю Тебя крепко и нежно

Боря.

<письмо без конверта>

¹ Belyj stayed in Berlin until 5 May, when he moved to Zossen, some twenty miles southeast of Berlin. (He made several trips to the capital in May). He worked on the third chapter of "Vospominanija o Bloke" and in June wrote the poems of *Posle razluki*. On 6 July he left Zossen for Swinemünde.

² The Berlin publishing house "Gelikon" (Helikon), headed by Abram Grigor'evič Višnjak (1895-1943), issued *Ėpopeja* as well as Belyj's *Zapiski čudaka* and *Putevye zametki*. About the firm see pp. 158-59 of *Russkij Berlin. 1921-1923* (Paris 1983). Višnjak died in a German concentration camp.

VI

<июль 1922 г.>

Милая мамочка,

прости, родная, что долго не писал: было безумно много дел; и страшно страдала душа: я с Асей все покончил; мы совершенно разошлись; и это было очень, очень больно.¹ Теперь поправляюсь: доктора направили меня к морю, в Сви-немюнде (застарелый бронхит и желудок); в общем — пустяки; купаюсь, катаюсь на лодке, лежу на песке; и — ничего не делаю; дал себе месячный отдых; здесь — чудно, весело; весь день у моря: ухожу в 11 часов, возвращаюсь в 8; 9 часов сижу у моря. Проведу здесь июль и август: надо запастись силами и залечить русскую усталость: в России таки я схватил бронхит и он принял хронические формы (я 3 года кашлял, и это была запущенная форма бронхита); сказали, что у моря все пройдет; загорел, как арап; каждый день пекусь перед купаньем на солнце. Посылаю дрянную карточку. Послал Тебе Ара.² Напиши, получила ли Ты; и — получила ли посылку из Риги? Адрес в Свиномюнде: Deutschland. Swinemünde. Lootsenstrasse 27 I. bei Koch. Мне. Или на Цоссен (Zossen. bei Berlin. Stubenrauchstr. 68. bei Lau); оттуда перешлют сюда. Ну, Христос с Тобой.

Целую Тебя крепко.

Твой Боря.

Р. С. Милая, милая мама: жизнь в Свинемюнде веселая; с 5 часов до глубокой ночи весь пляж танцует; здесь в Европе обычай новый: 5 часовой чай с танцами. В ряде кафэ очищена посредине площадка; кругом — столики, за которыми сидит публика, а на площадке танцуют — то публика (от детей до стариков), то танцовщицы. И вот — до 5ти все купаются и бродят на пляже, а с 5 до глубокой ночи веселятся. Удивительно беззаботная жизнь; воздух — чудный; кругом сосновые леса; море и сосны... Я приехал работать и 7 дней бродил, ничего не делаю. Лишь сегодня приступаю к работе. А как хорошо кататься в лодочке. Мы в Свинемюнде с Эмилией Моисеевной Каплун, с женой брата Бориса Гитмановича.³ Б. Г. уже уехал в Россию. Я его в Берлине часто видел. Приехал Зайцев, Ходасевич;⁴ в Берлине — масса русских. Раза два встретил Марию Николаевну; она развелась с мужем.⁵

Милая, милая мама, если будешь писать, то пиши на Книгоиздат<ельство> Эпоха. Berlin W. Martin Lutherstr. 13 III. Dr. Salomo<n> Kaplun. Мне. Или на Цоссен (Zossen. bei Berlin. Stubenrauchstr. 68. bei Lau. Мне). И из "Zossen"а и из Берлина письма перешлют, потому что я не знаю, много ли пробуду в Свинемюнде.⁶ Ну, Христос с Тобой, дорогая.

Твой Боря.

¹ Looking back over his stay in Germany, Belyj wrote the following from Moscow to Ivanov-Razumnik on 18 November 1923: "<...> 24 месяца моей жизни в Европе было жизнью без Аси (с ней мы виделись мимоходом, при ее приездах через Берлин); да и кроме того: она умерла в моей душе; и этот процесс ее умирания во мне переполнил более года мой организм такими душевными ядами, что я прибегал к вину, чтобы погасить остроту самосознания".

² ARA, i. e. the American Relief Administration, which sent food parcels to Soviet Russia after an agreement was reached between the American and Soviet governments in Riga on 20 August 1921. See Nikolaj Makeev, "Amerika – russkomu narodu (k godovščine raboty ARA v Rossii)", *Sovremennye Zapiski*, N. 11 (18 July 1922), pp. 286-292, and Benjamin Weissman, *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921-1923* (Stanford, 1974).

³ Boris Gitmanovič Kaplun (born 1894) – Bolshevik, worked in the upravlenie Petrogradskogo soveta, supporter of "Vol'fila", in which several members of his family were active.

⁴ Belyj means that they are in Berlin, not Swinemünde. Ходасевич arrived in the German capital on 30 June 1922, and first saw Belyj there on 3 July. For Belyj's

relations with him and Zajcev see note N. 7 to Belyj's second letter to Baxrax and the "collective letter" of Belyj, Osorgin and Baxrax to Vera Zajceva.

⁵ See note N. 3 to Belyj's third letter to his mother.

⁶ Belyj spent most of July-August 1922 there. He only returned to Berlin on 6 September.

BELYJ'S ADDRESS OF THANKS TO THOMAS MANN

In the years following the October Revolution Belyj personally experienced the full measure of the terrible physical deprivations visited on all sections of the Russian population except the political elite. The situation had improved somewhat in Russia's major cities by the time he departed for Western Europe in October 1921, but he knew that famine was ravaging the Russian countryside, especially areas along the Volga, and that he could not now, living in the relative comfort of Berlin, stand aside from efforts underway to alleviate the suffering of his countrymen. The 7 March 1922 issue of the Berlin newspaper *Golos Rossii* (N. 909) contained the following notice: "10 марта в помещении Филармонии Oberlicht-Saal состоится устраиваемый Общественным Комитетом помощи голодающему населению России митинг, посвященный вопросам, связанным с постигшим Россию голодом". V. D. Nabokov was to chair the evening and Belyj was listed as one of the main speakers. Issue N. 402 of *Rul'* for 12 March described the 10 March gathering at length, as did *Golos Rossii* (12 March, N. 914), which noted:

Андрей Белый считает необходимым для русской интеллигенции отказаться от статистических, исторических и иных точек зрения на голод и придти к сознанию необходимости конкретной помощи. Нужно воспринимать не цифры, а одного близкого голодающего, понять, что "я — это ты".

Over 35,000 German Marks were raised at the meeting (see *Rul'*, 18 March, N. 407).

Ten days later the Dom Iskusstv organized a charity evening to benefit its Petrograd counterpart. Thomas Mann agreed to give a reading from his works, and Belyj was delegated to thank him for his efforts to aid Russian famine relief. K. M. Azadovskij and A. V. Lavrov have described the 20 March event in their article "Novoe o vstrečax Tomasa Manna s russkimi pisateljami" (*Russkaja literatura*,

N. 4, 1978), where they published the Russian translation of Belyj's remarks. Belyj addressed Mann in German, and the German original, a typescript ("avtorizovannaja mašinopisnaja kopija") signed in Russian by Belyj, appears here for the first time (GPB, fond 124, sobr. P. L. Vakselja, ed. xr. 386). Pasted to the bottom of Belyj's text is the following typed note: Многоуважаемый Борис Николаевич! Прошу Вас пожаловать на закрытую беседу членов "Вольфилы", которая состоится под председательством Андрея Белого, во вторник 21-го марта в кафе Ландграф (Курфюрстенштрассе 75) в 5 ч. дня. Секретарь Совета А<?>др.

Two corrections of Belyj's text are placed in triangular brackets.

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ, СКАЗАННОЕ ТОМАСУ МАННУ,
ЧИТАВШЕМУ В "ДОМЕ ИСКУССТВ" В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ

Ich erlaube mir, Ihnen im Namen der russischen Schriftsteller und des russischen Publikums einen <unseren> heißen Dank auszusprechen. Wir danken Ihnen für den grossen künstlerischen Genuss, den Sie uns bereitet haben und danken noch viel mehr dafür, dass Sie auf unseren Ruf gekommen sind. In dieser schweren Zeit, wo wir fast fassungslos vor der Ungeheuerlichkeit des Elends stehen, das über unser Land gekommen ist, sind wir uns alle dessen bewusst, dass ein jeder von uns Titanenkräfte in sich aufkommen lassen muss, um den Kampf mit dem Hunger aufzunehmen. Es können aber nur moralischer Pathos und moralische Phantasie diese Kräfte in unseren Seelen erzeugen. Wenn wir nun sehen dürfen, dass die Not unseres Landes miterlebt wird, wenn wir Sie heute bei uns sehen, können wir nach allen Schrecken der Kriegsjahre wieder daran glauben, dass der Mensch den Menschen wieder Mensch sein kann, abgesehen davon, welcher Nationalität er angehört. Heute sind Sie als grosser deutscher Schriftsteller uns zur Hilfe gekommen, heute hat uns eine gemeinsame Tat vereinigt. Mögen doch solche Augenblicke individueller Begegnung, individuellen Aneinandertretens <Zusammentretens> Deutschlands und Russlands sich öfter und öfter wiederholen, auf das im Namen des ewig menschlichen Leides und der ewig menschlichen Freude von Herz zu Herz, sich Fäden wahrer brüderlicher Liebe und Zusammengehörigkeit spinnen können. — Haben Sie Dank für den uns bereiteten künstlerischen Genuss und haben Sie tiefen ernsten Dank für das Mitempfinden, das Sie uns entgegengebracht haben.

Андрей Белый <подпись>

РЕЦЕНЗИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО

By 1921 Saša Černyj (pseudonym of Aleksandr Mixajlovič Glikberg, 1880-1932), one of the most popular and prolific contributors to the pre-revolutionary satirical journals *Satirikon* and *Novyj Satirikon*, had joined the hundreds of major and minor Russian writers living in exile. He at first settled in Berlin, where three volumes of his verse, both old and new, appeared between 1922-23. He edited the miscellany *Grani* (Berlin, 1922) and the literary section of the luxurious journal *Žar-ptica*, which came out in Berlin, although most of its editors, including Černyj, had moved to France. He was later among the first émigré writers to benefit from the effects of the “Thaw” (a 1960 volume in the “Biblioteka poëta”, bol’saja serija).

Belyj certainly must have encountered Černyj in Berlin émigré circles, but they were never friends or even acquaintances. They moved in very different circles, as the following passage from Nina Berberova’s *Kursiv moj* makes clear:

Фондаминский старался понять, почему стихотворца-фельетониста Лоло и Сашу Черного нельзя печатать в “Современных Записках”, хотя все понятно в их стихах и они очень мило звучат, а Цветаеву и Поплавского печатать надо, хотя как будто не все понятно и стих не так звучит. Другой редактор, эсер В. В. Руднев <...> даже не старался понять, “что носят”. Однажды, получив какое-то стихотворение от поэта “младшего” поколения, он показал его Ходасевичу и спросил его, что это за размер — какой-то, по мнению Руднева, несерьезный и даже плясовой. Стихотворение было написано трехстопным ямбом. Ходасевич, придя домой, лег носом к стенке и сказал: — Вот от каких людей мы зависим (München, 1972, с. 347).

The editors of *Golos Rossii* or *Dni*, for whom Belyj must have written, in 1922 or 1923, the review of Černyj’s verse that follows, may well have shared the views of their SR colleagues in Paris. They would have been baffled by Belyj’s insistence on the special nature of poetic language, and would have resented his sharp attack on Černyj’s lack of professionalism, his verse “illiteracy”, at the expense of focus on the “content” of the poems. Belyj assumed a great deal when writing the review, and his confidence in the sophistication and knowledge of his readers was, if touching, quite misplaced. (How

many readers then, or now, for that matter, can recite the “essence” of the discoveries of Einstein, Thompson or Helmholtz?) At any rate, the review, one of the best and most challenging written by Belyj in this period, was never to my knowledge published. It clearly reflects his unceasing interest in questions of verse and language theory in the broadest sense, traceable back to the pioneering articles in *Simvolizm* (1910), post-revolutionary works showing the impact of Anthroposophy like *Glossolalija* (1922), “Žezl Aarona (O slove v poèzii)” (*Skify*, I, 1917), “O ritme” (*Gorn*, 1920, N. 5), and ahead to *Ritm kak dialektika i “Mednyj vsadnik”* (1929), that summa of Belyj’s views on “rhythm”.

The manuscript of the review, written on three folio size pages, with a cancelled draft on the verso of page three, is now in the collection of Mr. Alexandre Polonski in Paris, to whom I am grateful for permission to publish the text.

А. Черный. *Сатиры и лирика. Книга вторая. Новое, дополненное издание.* Книгоиздательство “Грани” в Берлине. 1922.

Я — в затруднительном положении... Высказаться объективно. Скажу: книга А. Черного замечательна. И А. Черный — талантлив и чуток. Но и — скажу: вот что — азбука для каждого поэта по существу, независимо от того “нов”, иль “стар” он, “понятен”, или “непонятен” он, “пассеист”, или “футурист” он, Пушкин он, или Маяковский.

Есть стихи; есть “стишки”. И “стишками” писали талантливые, очень чуткие, тонкие люди; и пишут “стихами” порой не поэты, но культур-трэгеры. Лирик тот, кто — талантлив; но мало таланта, а нужен действительный школьный опыт, имевшийся у Ломоносова, у Державина, Пушкина, Брюсова и Маяковского; опыта этого нет у А. Черного. И потому-то при всей порой тонкости грани не видит он меж стихом и “стишками”; “Что плавает земля в воде, как клецка в миске супа (58) есть стишок, аннулирующий поэзию, ясно всякому; сатирический тон не разрешает нам стихотворные строки пестрить безответственно “стишкистскими” кляксами. Вот ведь: сатирик Lolo,¹ злободневен, а вы не найдете в его ясных строчках таких откровеннейших “клецок”; талантливый Черный — поэт-самобытник, далекий от представления школы,

учебы, труда, овладения элементами формы, которую преодолевал каждый “*милостью Божьей*” поэт (пример — Пушкин); с налету нельзя овладеть стихотворной культурой; как ты не будь пронизателен, тонок, талантлив, — получается “*клецки*”, “*стишки*”.

Римский-Корсаков, Глазунов, Метнер, Скрябин консерваторию кончили; консерватория необходима: без знания контрапункта симфонию не напишешь, будь ты... “*распре- талант*”. Академию кончили Врубель, Серов и Малявин, и — кто еще? И всем уже ясно, что начертательная геометрия не убивает “*нутра*”.

Только в сфере поэзии существуют дичайшие взгляды, что “*стихование*” — не причем, и что “*Божией милостью*” мы перепрыгнем чрез опыт формы сложения строк; и достигнем стиха без впадения в “*стишкизм*”.

Незнание двух аксиом отрезает от сферы поэзии: поэзия прежде всего есть поэзия слова, как такового: Нуаре, и Потенбня, и Фосслер,² и многие другие растолковали же, что грамматика речи есть магма по отношению к лаве художественного образования языка; аксиома вторая: язык развивается из звуковых пантомим (звуковая метафора речи); и поэтический смысл (содержание) — не содержание фельетона, где мы — в сфере слова обычного, равно далекого и от слова-образа, и от слова-термина; ни поэзии, ни логики в языке *обыденного смысла* нет вовсе; звуковой образ слова — логическое содержание, а форма интонационности, ритма, мелодии есть поэтическая грамматика, которой следуют Пушкин, Державин, Некрасов, Бальмонт, Брюсов, Клюев, Есенин и Маяковский (поэты *par excellence*) и которой не следует Черный, весьма поэтически переживающий (про себя) и сплетающий действительно порою красивые образы непозитическим, фельетонным своим “*сатирическим*” словом, не следуя специфической лирической логике, требующей специальной учебы, и не владея грамматикой лирики, что ему не позволяет мешать строчки *стихов* (настоящих) с “*стишками*” иль с “*клецками*”, плавающими... в “*нектаре*”. Лирика есть напиток и пища “*богов*”; и совать в нее “*клецки*” — неграмотно (в специфически лирическом смысле):

На крутом повороте забили подковы
По лбам обнаженных камней.³

Это — строки “стихов”.

“Скучно жить на белом свете!” — Это Гоголем открыто,
До него-же — Соломоном, а сейчас — хотя бы мной.⁴

Это только “стишки фельетона”; но скажут: то — сатира, юмористика; повторю: эпиграммы у Пушкина, Баратынского блещут; и даже Lolo в сатирических строчках — культурен (лирически).

Только незнание достижений поэзии может создать представление об очень талантливом Черном, что он — лирик; он — талантливо поэтизирующий, с немалыми поэтическими задатками, но без культуры, без знания поэтической этимологии, синтаксиса и т. д. Талантливо “математизирующий” второкурсник, конечно, доучится до “математика”; не математик же он, в самом деле: Пуанкаре, Вейерштрасс, те — математики.⁵

Очень жаль: достижения точных наук популяризированы; всякий знает о сущности открытий Эйнштейна, Томсона и Гельмгольца; а достижения в области “стиховедения” никому не известны. И потому-то господствует тут совершенная безграмотность “субъективных” суждений; и “звуки сладкие” Пушкина принимаются за “аллегорию”, за какое-то “так сказать”; между тем: профессора Айхенбаум <так!>, Жирмунский и “спецы” (Шкловский, Брюсов, Иванов, сколько прочие, бывшие в “студиях”)⁶ знают, что “звуки сладкие” у Пушкина есть: доказуемы анализом формы; и этот анализ покажет, что “звуков сладких” у Черного нет, а есть “шумы”, при помощи которых пытается выразить он талантливо переживаемое в лирически часто неграмотной строчке.

Андрей Белый

<1922-23>

¹ Lolo — the pseudonym of Leonid Grigor’evič Munštejn (1867-1947), who published his popular verse satires, usually on highly topical subject matter, in major Berlin and then Paris Russian newspapers.

² Compare the title of Belyj’s 1922 collection of three essays *Poëzija slova* (“Эпоха”). Belyj mentions Ludwig Noiré (1829-1889) several times in the commentary to “Lirika i èksperiment” in *Simvolizm*. He has in mind his influential *Logos. Ursprung und Wesen der Begriffe* (Leipzig, 1885), and he notes specifically his 1887 *Der Ursprung der Sprache* “u kotorogo vstrečatsja sxodstvo vo vzgljadax s Potebneju” (p. 573). Belyj’s commentary (see especially pp. 572-

586) concentrates, however, on the writings of the Ukrainian linguist Aleksandr Afanas'evič Potebnja (1835-1891), to whom he also devoted a long article in 1910: "Mysl' i jazyk (Filosofija jazyka A. A. Potebni)", *Logos*, kn. 2 ("Musaget"), pp. 240-258. For an assessment of Potebnja's impact on Belyj's thinking see Steven Cassedy's two articles in *Andrey Bely. Spirit of Symbolism* (Cornell University Press, 1987), pp. 292-293, 324-331. Belyj's notes in *Simvolizm* do not refer to the German philologist Karl Vossler (1872-1949), of whom John Fizer has written: "In the history of Western critical thought Potebnja's theory stands alongside the theories affected by Wilhelm Humboldt's philosophy of language, particularly those of Benedetto Croce, Karl Vossler, Leo Spitzer, and even Erich Auerbach. For Potebnja, as for these scholars,... as Croce observed, ... '*Philosophy of language and philosophy of art are the same thing*'" (*Aleksander A. Potebnja's Psycholinguistic Theory of Literature: A Metacritical Inquiry*, Harvard, n. d., p. 2).

³ "Sankt-Peterburg", 11. 19-20, p. 9.

⁴ "Birjul'ki", final two lines, p. 31.

⁵ Belyj's original has the incorrect "Vejerštrasse". Both Karl Weierstrass (1815-1897) and Jules Henri Poincaré (1854-1912) were elected honorary members of the Petersburg Academy of Sciences in 1895. Belyj mentions Weierstrass twice (and misspells his name) in a January 1913 letter to Margarita Morozova (see *Minuvšee*, N. 6, 1988, pp. 422, 426).

⁶ Belyj has in mind the various "studios", founded by the Bolshevik cultural authorities for the training of new "cadres" of writers and literature specialists, in which he and the other writers and critics mentioned lectured throughout 1918-1921. In June 1918, for example, he addressed the Moscow "Studija počtov" on the topic "O ritme", and in October he spoke on "O zadačax nauki o stixie" at the "Studija stixovedenija". In October-December 1918 he gave a series of lectures under the general heading "Ritmika" for the literary studio of the Moscow Proletkul't, while holding a Sunday seminar on rhythm for them as well. In February-April 1919 he conducted a course entitled "Teorija slova" for the same organization. After that he continued similar activities at the Dvorec Iskusstv and, in Petrograd, at "Vol'fila". For a very complete listing see "Sebe na pamjat" (CGALI, f. 53, op. 1, ed. xr. 96), from which I drew the items mentioned.

ДВА ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО А. В. БАХРАХУ

The late Aleksandr Vasil'evič Baxrax (1902-1985) first published excerpts from the two letters that follow in his memoir "Po pamjati, po zapisjam. Andrej Belyj" (*Kontinent*, N. 3, 1975, pp. 288-321). It provides the best commentary to his own relationship with Belyj.

On 27 June 1923 Belyj wrote from the mountain resort of Harzburg, where he was staying with Klavdija Nikolaevna Vasil'eva, to Petr Nikanorovič Zajcev in Moscow:

Ужасно скучаю по России: трудно в Берлине, как я, просидеть 1 1/2 с лишним года. Очень помню друзей. С удовольствием приехал бы в Россию. Может, — и приеду. Трудно жить с берлинскими русскими: часто одолевает тоска (ЦГАЛИ, ф. 1610, оп. 1, ед. хр. 16).

In the same letter, Klavdija Nikolaevna informed Zajcev:

После-завтра я возвращаюсь в Берлин, чтобы начать оттуда хлопоты по отъезду. <...> Хочу надеяться, что самое тревожное для него <Белого> уже прошло. Его встреча с Ш<тейнером> была так прекрасна, так благостна, так гармонична... Лучше, глубже — едва-ли можно себе представить. В этом какой-то залог будущего. <...> Европа тяжка сейчас. Настроение гибели и катастрофы. Процесс идет головокружительно быстро. И невольно вовлекает и набрасывает свою тень на душу. <...> Если бы знали Вы, как отсюда особенно любишь Россию, как трудно вдали от нее. <...> Здесь очень “страшно” в Европе.

Belyj obviously shared her mood. On 29 June he accompanied her back to Berlin, where he soon reached his final decision to return to Soviet Russia.

He spent the first part of July in miserable lodgings (he called them a “truščoba” in his diary) near the Anhalter Bahnhof, an experience that would later find reflection in several grisly scenes in *Maski* (see K. N. Bugaeva's *Vospominanija o Belom*, 1981, pp. 171-174). From 14-17 July he lived at Ahlbeck, a fishing village and sea-bathing resort on the Baltic, and on 23 July he returned to the village from Stettin, where he had seen Klavdija Nikolaevna off to Russia.

He now awaited, with growing impatience and anxiety, news of permission to return there himself. He received it on 1 August (“Izveščenie Berlinskoj komissii Narkomprosa o razrešenii v'ezda v RSFSR” — “Letopis' žizni i tvorčestva A. Belogo”, GPB, f. 60, N. 107), but the even more agonizing wait for a visa made August, in his own words, a “besputno grustnyj mesjac”. Friends like Baxrax, the Muratovs, the Osorgins and the Zajcevs might have helped calm his nerves, but they were all in Prerow:

Близилось новое, последнее берлинское лето. По инициативе, если не ошибаюсь, Зайцевых, решено было провести его коллективно в

небольшом (каюсь, препротивном и дождливом) балтийском местечке — Прерове (Бахрах, *Континент*, сс. 314-315).

Belyj was invited by Baxrax to join them, but he succeeded only in making short trips to Swinemünde (where he had spent much of July-August 1922) and to Berlin. On 27 August he again settled there to await his visa. It came only in October. Meanwhile, for a month and a half he had to witness the breakup of "Russian Berlin", as one after another friend left the city for good. On 23 October he too departed, but for Moscow, not Paris, Prague or Italy.

The originals of Belyj's two letters to Baxrax are now in the Baxmetev Archive of Columbia University.

I.

26 июля 23 года

Дорогой Александр Васильевич,

Спасибо Вам за милое, хорошее письмо; очень хотел бы пожить со всеми Вами; но — такова моя судьба; все устроились в Prerow'e, а у меня — нет пристанища; в виду того, что в Берлине у меня пристанища нет, я не могу ликвидировать с моим альбекским пансионом, где у меня не комната, а закутка, в которой нельзя ни работать, ни сидеть; постоянно вытолкнут на люди; а люди, в конце концов, — [жут<кие>] чужие.

На этих днях приеду Вас навестить; и использовать наезд для подыскания комнаты; напишите только, как к Вам ехать? Ведь, кажется из Свинемюнде до Стральзунда нет удобного сообщения. Если надо на Рюген, а с Рюгена в Prerow, то еще кое-что понимаю, а на Стральзунд не могу понять, как ехать. Очень надеюсь переехать в Prerow, хотя бы потому, что там — свои, а здесь — не свои, с которыми вследствие отсутствия комнаты приходится целыми днями быть, что — утомительно.

Еще раз спасибо за милое письмо.

Всем — привет.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

Pension Stein. Prinzenstr<asse>

14. Seebad-Ahlbeck.

II.

Альбек. 16го августа 23

Дорогой Александр Васильевич,

Я не отвечал на Ваше милое письмо, последнее, потому что потерял Ваш след. Не знал, в *Prerow*'е ли Вы, или еще в Берлине.

Голубчик у меня к Вам большая просьба-вопрос. Мои дела с Россией идут хорошо. Ремингтон тоже скоро кончаю.¹ Так что, — думаю ехать уже в первых числах сентября. Меня очень озабочивает вопрос о квартирной комнате в Москве. Из Москвы пишут, что к 15 сентября уже уплывет комната, которая в случае моего приезда до 10 сентября остается за мною.² И стало быть: думаю ехать в самом начале сентября. Как быть с чемоданом и с книгами, которые у Вас — без Вас, если Вы еще долго остаетесь в *Prerow*'е?³ Часть книг хотел бы оставить у Вас, и лишь немного, "minimum" взять с собою; теперь — деловой вопрос: я буду в Берлине совсем не позже вторника; мне чемодан для перекладки, вероятно, понадобится к 26-27-28 августа. Напишите мне Ваши планы, когда будете в Берлине, чтобы я мог, воспользовавшись Вашим присутствием, вывезти чемодан.

Как это все сложно: до понедельника сижу в [Saarow'е] Альбеке и больной, и без денег; еду в Берлин без всякого представления о комнате, даже негде пока переночевать: где достать комнату — не знаю. Когда получу деньги на выезд, — тоже не знаю: надо хлопотать.

И т. д.

Между тем уже с неделю прихварываю, купаться не могу; и — без дела и смысла томлюсь в Альбеке. Очень хотелось бы с Вами перед отъездом основательно побыть. Я Вам за берлинскую жизнь так благодарен; и, надеюсь, встретимся скоро — в России.

Милый, жду от Вас быстрого письма в Альбек — до понедельника, с ответом на *основной вопрос*, как мне извлечь чемодан от Вас. А так же очень прошу: если Е. С. Муратова в *Prerow*'е, то пусть она мне сообщит адрес Марии Эмилиевны Белоцветовой, который мне очень нужен, адрес Трапезникова;⁴ да еще кстати: если увидите ее, то спросите: не смогу ли я в случае отчаянной необходимости и в случае, если Муратовы во вторник-среду следующей недели еще в *Prerow*'е переночевать у них;⁵ а то — некуда деваться.

Видите милый Александр Васильевич, сколько просьб.

Жду быстрого ответа на них. До понедельника адрес мой: Pension Stein. Prinzenstr<asse> 14. Ostseebad Ahlbeck. Мне. После: Epocha-Verlag. Zimmerstr<asse> 7-8. Berlin. SW.

Надеюсь, что перед моим отъездом мы проведем еще очень хорошие часы вместе. Осоргиным и Муратовым — сердечный привет. Зайцевым — тоже: передайте Вере Алексеевне, что это она меня отпугала от *Prerow*'а куда я стремился всей душой.⁶

Остаюсь сердечно преданный

Борис Бугаев.

Жду спешного ответа.

Р. С. Где Ходасевичи?⁷

¹ Belyj probably means the typescript of the "Berlin redaction" of *Načalo veka*, whose third volume he had finished in June. On 9 July 1923 he signed a contract with "Эпоха" for its four projected volumes ("в общем не менее 100 печатных листов" — "Договоры и переписка А. Белого с издательствами, 1918-1931 гг.", ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 340).

² Belyj's delayed departure from Berlin meant that upon his return to Moscow on 26 October he first had to stay with Vladimir Ottonovič Nilender (1883-1965) and then with Ol'ga Nikolaevna Annenkova († 1949). He would not have a "room of his own" until March 1925, when he settled in Kučino outside Moscow.

³ Вахрах describes the trunk Belyj left with him on pp. 313-14 of his memoir: "В назначенный день и час два носильщика едва подняли огромный сундучище, обитый черной клеенкой, <...> Сундук этот не закрывался и был до самого верха набит — лежащими в полном беспорядке — книгами, рукописями, посланиями поклонниц (как я мог убедиться, частично нераспечатанными). <...> Сундук же по-прежнему стоял в моей комнате. Иногда Белый забегал ко мне, копошился в сундуке, что-то в нем искал, что-то уносил, но ничего более решительно не предпринимал". Вахрах's account (p. 317) of the fate of the trunk, which Belyj left in Berlin, differs markedly from Nina Berberova's (see *Kursiv moj*, p. 466).

⁴ М. È. Belocvetova, wife of N. N. Belocvetov, Russian followers of Rudolf Steiner; Belyj had met them at Steiner's lectures in Helsinki and Germany. Trifon Georgievič Trapeznikov (1882-1926) was in Berlin at this time, and returned to Soviet Russia in October, shortly before Belyj's departure. About him see note N. 9 to Belyj's fourth letter to Asja.

⁵ The writer, critic and Italian specialist (*Obrazy Italii*) Pavel Pavlovič Muratov (1881-1950) and his second wife, Ekaterina Sergeevna, were also soon to leave Berlin for Italy. Klavdija Nikolaevna wrote the following return address on the

envelope containing her and Belyj's 27 June 1923 letter to Petr Zajcev: C. Wassiliewa. Berlin W. Kleiststr. 31. Pens. Baranovsky. Frau K. Muratowa. Judging by the memoirs of Klavdija Nikolaevna (p. 173), both she and Trapeznikov were staying in the same Kleiststrasse pension where the Muratovs had lodgings.

⁶ About the Osorgins and Zajcevs see commentary to the "collective letter" that follows. Vera Alekseevna Zajceva had probably complained to Belyj about the rainy weather and "preprotivnaja atmosfera" at Prerow, to which Baxrax alludes in his memoir (p. 315).

⁷ Vladislav Felicianovič Xodasevič (1886-1939) and Nina Berberova (born 1901) had moved back to Berlin on 11 June 1923 after spending several months at Saarow, where Gor'kij was living. On 14 August they accompanied Baxrax and the Zajcevs to Prerow, where they stayed until 28 August, when they returned to Berlin. Xodasevič noted in his "daily log" that they spent the evening of 30 August in a Berlin Russian restaurant with Belyj, Baxrax, the Osorgins, Muratov and others. The memoirs of Xodasevič ("Andrej Belyj", *Nekropol*) and Berberova (*Kursiv moj*) offer two of the best accounts of Belyj's life in Berlin. In a letter to Ivanov-Razumnik of 18 November 1923 Belyj wrote: "<...> мало что хорошего вышло за границей; лучшее — произведения Ремизова и русских ие эмигрантов, стихи Ходасевича, Марины Цветаевой".

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО А. БЕЛОГО, МИХАИЛА ОСОРГИНА И
АЛЕКСАНДРА БАХРАХА В. А. ЗАЙЦЕВОЙ

Belyj was very fond of both Vera Alekseevna Zajcev (née Orešnikova, 1877 or 1878-1965) and her husband, Boris Konstantinovič (1881-1972), with whom he had become friends in Moscow in 1904. The Zajcevs, of whom no memoirist has left anything but the most flattering portraits, reciprocated the feeling. (See Zajcev's memoir "Molodost' – Belyj", *Mosty*, N. 10, 1963; reprinted in his *Dalekoe*, 1965). At the end of August they returned from Prerow to Berlin to begin preparations for their departure for Italy. On Saturday, 8 September, Baxrax, Muratov, Zajcev, Remizov, Belyj, Berberova and Xodasevič all met to be photographed together (one of the two pictures taken was first published in the 1961 volume of Xodasevič's collected poetry). That night they reassembled for the traditional "provody" of friends at a Russian restaurant. There, according to Xodasevič's "daily log", they were joined by their wives and the Belocvetovs, Vera Lur'e, the publishers Kaplun-Sumskij and Gržebin, and others. This was the occasion at which the "scandal" so

memorably described by Xodasevič in his memoirs (*Nekropol'*, pp. 94-95) took place, after which Belyj broke relations with him. (Zajcev's memoir erroneously gives the impression that it was Belyj who was being seen-off and that Belyj left Berlin before he and his wife did, while just the opposite was true). The next morning the Zajcevs left for Venice.

Belyj was now living at the same Berlin *pension de famille* as the Osorgins and Вахрах (Вахрах memoir, p. 316). Not long after the Zajcevs' departure, they received news from Italy, as Вахрах recalls in a memoir of Zajcev:

... дату сужу по сохранившейся у меня открытке из Венеции, в которой Зайцев писал мне: "Все на местах. Все как было и от пережитого стало еще трогательней и прекрасней. День идет за год". А на обороте: "Предельно счастливы, так, что трудно выразить". А чуть позже из некогда излюбленного русскими туристами, но теперь как-то выпавшего из туристской карты, Кави, местечка на берегу серо-зеленого Тирренского моря, по которому плавал Эней, Вера Алексеевна черкнула: "Мы живем дивно. Боря счастлив и доволен, что в Италии. Все чудесно..." (По памяти, по записям, Париж, 1980, сс. 35-36).

All three friends responded to her postcard in the collective letter that follows. Written on one sheet of paper, it is now in the Вахметев Archive of Columbia University. Written at the top, in red ink, is "Письмо из Берлина Вере Зайцевой, 1923".

<сентябрь-октябрь 1923 г.>

Милая, хорошая Вера,

Спасибо за память! Очень часто вспоминаем Вас; я завидую Тебе и Борису Константиновичу; в Берлине гнусно; дела мои пока что не двигаются; не знаю еще, поеду ли я в Россию. Если и поеду живет твердая уверенность: мы увидимся. Сердечный привет Борису Константиновичу и Наташе.¹ Господь с Тобой: ношу Твою память!

Борис Бугаев.

Верочка, цветете ли вы?

Приеду в Сави навестить (мечта). Как только будут визы, все нагрянем в Рим.²

Я не понял, где Вы живете. В домике на ручье или у signor'ы Luisa? Очень кланяюсь Качоровскому, Капоучи <?> и всем ита-

льянцам, включая табачницу Граведжину и Кулачиху Кармеллу.³

Обнимаю Бас.

Мих<аил> Осоргин.

Дорогая Вера Алексеевна,

Спасибо за милую открытку из Венеции, хотел сразу Вам ответить да Вы не сообщили мне Вашего адреса. Здесь гадко, дождливо и все находятся накануне отъезда. Я на будущей неделе собираюсь уехать в Париж;⁴ надеюсь, что и Вы туда в течении зимы приедете, а то ведь Берлин не место чтоб зимовать. Ну, поправляйтесь и наслаждайтесь Италией.

Обнимаю Вас и Татку.

Где Борис Константинович?

Всего хорошего

Ваш А. Бахрах.

¹ Nataša (“Татка”) – Natalija Borisovna, the Zajcev’s daughter (born 1912).

² The writer and journalist Mixail Andreevič Osorgin (1878-1942; real name: Il’in) and his wife, Raxil’ Grigor’evna, left for Italy on the evening of 24 October 1923 (Xodasevič “daily log”). They later settled, as did the Zajcevs, in Paris.

³ From late 1906 to 1916 Osorgin had lived in exile abroad, working for much of the time as an Italian correspondent for Moscow newspapers (*Rul’*, *Russkie Vedomosti*; see also his 1913 book *Očerki sovremennoj Italii*). In 1910 Zajcev made his fourth visit since 1904 to Italy, where he took up residence in Rome. He spent the winter of 1911-12 at Cavi, often in the company of Osorgin, and visited by other Russians, like Muratov and Xodasevič. In this letter Osorgin asks after the Italians they had known at that time.

⁴ Baxrax left for Paris on the evening of 24 October 1923 (Xodasevič “daily log”).

ЗАЯВЛЕНИЕ А. БЕЛОГО В POLIZEIAMT

This declaration, now in the Paris collection of Alexandre Polonski, was certainly written in September 1922 (see notes 2 and 8). A similar request, written in German, was sent on Belyj’s behalf by the “Époxa” publishing house on 18 May 1923. It identifies him as one of its editors and as a member of the editorial board of the journal *Beseda*

(see CGALI, f. 53, op. 1, ed. xr. 340). In the document published below numerous mistakes in German have been silently corrected.

В “Polizeiamt” (такой-то)

В “Presseabteilung” при Ausärtiges-Amt

Прошение.

Я, Борис Бугаев, писатель (литературный псевдоним Andrej <так!> Bjely), — покорнейше прошу о нижеследующем:

Срок моей визы кончается 1го октября; между тем: связанный многообразной культурной работой с русскими и немецкими издательствами я прошу дать мне разрешение остаться в Берлине на сколько возможно продолжительный срок. Мои романы “Die silberne Taube” и “Petersburg” уже давно переведены на немецкий язык.¹ Моя книга “Am Wasserscheide” переводится в немецком издательстве “Der Kommende Tag” в Штуттгарте (Champignystr<asse> 17); и — подлежат переводу в ближайшем будущем на немецкий язык ряд книг.²

Кроме того: я редактирую художественный русский журнал “Эпопея”,³ состою членом редакции русского издательства “Epocha”;⁴ кроме того: я состою председателем русского “Вольно-Философского Общества” в Берлине а также состою членом комитета русского “[Heim] Haus der Kunst”.⁵ Моя работа — работа художественно-культурная; она связана тесно с Берлином.

Я имею соответствующие бумаги, удостоверяющие мою деятельность от “Verband russischer Journalisten und Schriftsteller in Deutschland”, от издательств “Slowo” (русское отделение Ullstein-Verlag),⁶ “Helikon”, “Epocha” (мог бы представить бумаги и от других издательств: русского Grschebin-Verlag⁷ и немецкого “Der Kommende Tag” и т. д.), русской газеты “Golos Rossii”.⁸

Я надеюсь, что мне будет дано разрешение на дальнейшее мое пребывание в Берлине.

С уважением

Boris Bugaeff. Andrej Bjely

Борис Бугаев (Ан<дрей Белый>)

¹ *Die silberne Taube*. Roman. Übersetzung aus dem russischen von Lully Wiebeck (Frankfurt, 1912) and *Petersburg*. Autorisierte Übersetzung aus dem russischen von Nadja Strasser (München, Georg Müller, 1919).

² *Auf der Wasserscheide*. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von H<edwig> Bidder. Zweites Buch. Die Krisis des Gedankens (Stuttgart, "Der Kommende Tag", 1922) – a translation of *Na perevale*. II. *Krizis mysli* (Pb., "Alkonost", 1918). On 1 July 1922, at Zossen, Belyj signed a contract for the translation of the entire "Krizisy" cycle: "Verlagsvertrag zwischen Herrn *Boris Bugaeff* (Andrei Bjely) zur Zeit in Zossen bei Berlin, Stubenrauchstr. 68 einerseits und *Der Kommende Tag* A.G. Verlag in Stuttgart <...> "Auf der Wasserscheide" – *Na perevale* — in vier Stücken: 1) Die Krisis des Gedankens — *Krizis mysli* 2) Die Krisis des Lebens — *Krizis žizni* 3) Die Krisis der Kultur — *Krizis kul'tury* 4) Die Krisis des Bewusstseins – *Krizis sosnanija*" (CGALI, f. 53, op. 1, ed. xr. 340). Only this volume appeared. Aside from a reprint of *Die silberne Taube* in 1927 (Stettin, O. Muhl), no works of Belyj were published in German translation until the 1950s.

³ Four issues of the "literaturnyj sbornik" *Èpopeja* appeared in Berlin in 1922-23. Issue N. 4 (June 1923) opened with the following letter to its publisher, A. G. Višnjak (1895-1943): В Книгоиздательство "Геликон" А.Г.Вишняку. Глубокоуважаемый Абрам Григорьевич. Не откажите в напечатании ниже следующего: Многообразные занятия и отсутствие свободного времени не позволяют мне продолжать редактирование "Эпопей"; оставаясь постоянным сотрудником мне близкого журнала я все же должен выйти из состава Редакции. Примите мои искренние пожелания в успехе и укреплении основных тенденций "Эпопей". Примите уверения в совершенном почтении. Андрей Белый. "Gelikon" also published Belyj's *Zapiski čudaka*, I and II (1922) and his *Putevye zametki*, t. 1 (Sicilija i Tunis) (1922).

⁴ "Èпоха" (Epocha), run by Solomon Gitmanovič Kaplun-Sumskij (died 1940), issued the following books by Belyj: *Glossolalija*, *Kotik Letaev*, *O smysle poznanija*, *Peterburg*, *Posle razluki*, *Poèzija slova*, *Serebrjanyj golub'*, *Stixi o Rossii*.

⁵ See note N. 2 to Belyj's second letter to his mother. It was "Vol'naja filozofskaja asociacija" not "obščestvo". The Berlin Dom Iskusstv, i. e. Haus der Kunst, was often called the "Russisches Künstlerheim" in the German press, which explains Belyj's hesitation here.

⁶ "Slovo" published the second edition of *Pervoe svidanie* in 1922.

⁷ The publishing house of Zinovij Isaevič Gržebin (1869-1929) issued Belyj's *Stichotvorenija* and *Na perevale*. I. *Krizis žizni*. II. *Krizis mysli*. III. *Krizis kul'tury* in 1923.

⁸ Belyj collaborated on *Golos Rossii* throughout 1922 (see my bibliography in issue N. 4 of *The Andrej Belyj Society Newsletter*, 1985, pp. 20-29). It closed in October 1922, to be replaced by *Dni* (first issue 29 October 1922), for which Belyj also wrote. His mention of it, not *Dni*, points to the fact that he could not have written this "zajavlenie" later than September 1922.